

Там за туманами

Ксемуюм Бакланов

Ксемуюм Бакланов
Там за туманами.
Балтийские грёзы. Часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12260632

ISBN 9785447423438

Аннотация

Главный герой – человек, немало повидавший на своём веку, житель провинциального городка – попал в серьёзную разборку с главарями античной мафии. Едва не лишившись жизни, наш герой переезжает в Калининград. Но и здесь его беспокойную душу влечет к криминальному бизнесу. Сможет ли он выйти сухим из воды в этот раз?

Содержание

Начало пути	5
Все были мы когда-то рысаками (за исключением тех, кто не был)	9
Море, море, мир бездомных	13
На ковре из жёлтых листьев	16
Да вы, батенька, никак нумизмат	21
Лучше недоперепить, чем перенедовыпить	29
Он так ударил, дуралей, что я выпал из туфлей и забыл где мой дом и как зовут	33
Так, а денег нам, хоть дадут?	50
Битому не йметяся	54
К нашим баранам или со свиданьцем	56
Солнце вышло из-за ели, а бичи ещё не ели	63
Начинаем поступательное движение (шаг вперёд и две назад)	66
Только женщин нам здесь и не хватало	73
Да, Кёнигсберг – это Европа! Опа, опа, опа, опа	83
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Там за туманами
Балтийские грёзы. Часть 1
Ксемуюм Бакланов

© Ксемуюм Бакланов, 2017

ISBN 978-5-4474-2343-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Начало пути

Состав проехал километров сорок, мне показалось, прошла целая вечность. Да, этот поезд далеко не самое комфортабельное транспортное средство на белом свете. Как будто кто-то перенёс меня на двадцать лет назад и на десять тысяч километров с запада на восток, прямо в пассажирский электропоезд Владивосток – Находка. Та же грязь, те же мухи и тараканы, да и проводники те самые, они по-прежнему усталые и очень-очень добрые. Последние года два мне часто приходилось колесить на поездах, поэтому тут все знакомо до боли, и всё же этот был особенно хорош, этот был апогеем украинского железнодорожного сервиса.

В голове какая-то неразбериха, всё будто во сне, расплывчатое, ненастоящее, я бы сказал эфемерное. Вроде бы не со мной всё это происходит, а с кем-то, кто играет мою роль, по-другому и не скажешь.

Эх, чайку бы сейчас. Может попросить? Нет, не надо, слишком опасно. Глядя на багровые лица двух разругавшихся между собой проводниц, это был бы очень дерзкий шаг, но сейчас не время для подвигов, лучше дождаться, пока сами предложат свои суррогаты.

Я и раньше был «Мастер спорта» по глупостям, так иногда в сердцах говорила мама, но сейчас, походу, мне можно присвоить звание «Заслуженного», всё-таки за эти годы я нема-

ло поднаторел и крепко добавил в мастерстве.

Начинался новый этап в жизни, и как всегда в таких случаях, требовался подробный анализ предшествующих событий. Но сейчас ворошить прошлое – это просто пытка, вспоминать всегда хочется лишь победы и триумфы, ну, а если с этим облом, то и сами понимаете. Даже не столько не хочется, сколько страшно, страшно думать, что мама, как всегда права, а где-то и недооценивает своего сына, что не смотря на годы, ума нет, а значит не будет, ну и далее по тексту.

Неумолимая память – «мой злой властелин», мысленным взором просматривает события последних дней. Ну и написал, аж самому страшно, все гораздо проще – морщу лоб, гоняю мультики. Совсем нехороший разговор с отцом, он очень сильно сдал за последние пару лет, и во многом, как раз благодаря мне. Трудно ведь осознавать, что твой сын ничего дельного из себя не представляет. Сам я конечно так не думал, но его не переубедить, у него своё видение того, каким должен быть глава семьи и я, по его мнению, никак не заточен под эти критерии.

Вдобавок ко всему этот пятидневный запой с соседом по даче Геннадием перед самым отъездом. Даже и не знаю, почему именно с ним, мы не были друзьями, просто в этот момент было очень паскудно на душе, а он подвернулся под руку. Ну до чего же не кстати была эта беспробудная пьянка, прямо как последний раз в жизни. Здоровья теперь ноль целых, ноль десятых, совсем ещё не отошел, а тут такой овер-

киль предстоит в судьбе и прямо сейчас, и прямо, когда совсем не хочется дышать.

Да, наверное, всё-таки угостила меня клофелином сожительница Гены, молодая бабёнка, которая вот уже год, как жила у него со своей шестнадцатилетней дочкой, не по годам разбитной девочкой – два по физике, три по химии. Не знаю, как и выжил, мне уже приходилось пробовать это блюдо, поэтому сомнений практически нет, это клафель, аналогия полнейшая. А я ведь мог и перекинуться на второй раз, неужели те деньги, которые она сняла в результате, стоили бы моей жизни? Хотя жизнь нынче копейка, да и дозировать наверное умеет, раз живой. Ну что же, будем считать, что это плата за молодое тело дочери, которым, если верить её словам, я алчно воспользовался. Если честно, помню только, как пользовался телом постарше, и где был Гена в это время для меня просто загадка, но по ходу, он парень не жадный. Словом, в голове и без того такой мыслеворот, ну его на фиг думать, что там было, чего не было, тем более, это не так и существенно в общем контексте.

Куда важнее, что было потом, уже дома. А дома были разборки редкостные, с привлечением всех моих, а также приобретённых родственников. Последний раз такой слёт был пять лет назад, когда я ушел к молодой восемнадцатилетней девочке Оксане. Но потом все-таки пожалел Оксану и решил не делать «сиротами своих детей», а свою жену «безутешной вдовой», как выразился один очень красноречивый род-

ственник из вновь образовавшихся.

Не то, что бы я сейчас терзался угрызениями совести, моя вторая жена Ира, как вы понимаете, давно привыкла к подобным залётам, я ведь частенько не приходил домой и во времена, когда всё было в шоколаде, просто реально недосчитывался половины денег, которые были как раз «для начала новой жизни». И сейчас, когда семейный бюджет трещал по швам, это было верхом эгоизма, если совсем уж мягко выразиться.

Все были мы когда-то рысаками (за исключением тех, кто не был)

Впервые я пожалел, о «тлетворной» привычке никогда не отчитываться, сколько у меня денег и зачем они нужны мне в таком количестве именно сегодня, крупные суммы носил в кармане всегда и неукоснительно. Эта повелось еще с тех времён, когда приходилось закрывать зарплату рабочим, число которых доходило до ста семидесяти, да и в любой момент могла возникнуть необходимость в дополнительных затратах на материалы или инструменты, а так же на «подкуп Президента» или других высокопоставленных чиновников всяких рангов и мастей, оптом или в розницу. Уже гораздо позже снялась эта головная боль, клади себе на карточку хоть миллион, хоть десять и гуляй спокойно, не с оттопыренной сумкой на пару кило, а с тоненьким декоративным аксессуаром в виде кошелька (терпеть не мог ни того, ни другого).

Это я про то, что деньги у меня были всегда. В молодости, скорее всего меня испортило море, так, во всяком случае, считает моя мама. После мореходки работал сначала вторым радистом, потом начальником радиостанции в Дальневосточном морском пароходстве. Контрабандой занимался по-чёрному, ходил в основном на Японию, реже на Синга-

пур. Япония для моряка-контрабандиста на рубеже семидесятых – восьмидесятых была просто Клондайком, да и Сингапур не хуже, только рейсы длиннее. Магнитофоны, видеки, плеера, ковры, шмотки, всё это пользовалось повышенным спросом в стране, напроць лишённой своей индустрии, способной самостоятельно производить подобные вещи. Порт Восточный – Йокогама, Порт Восточный – Кобе. Плечо на контейнеровозе короткое, семь – восемь дней.

И опять затариваешься туда часами, золотом, водкой и прочим, назад «колониальными товарами», не забыв конечно и про стражей – таможенников. Чтили библейские законы, не все же себе, оставляли так же «всякой птице, что под небом, да всякой твари, что на земле». Ну в общем денег у меня всегда было, как у дурака махорки.

Первая жена Лида, конечно же, была рада получить свой кусочек внимания, как в натуральном, так и в денежном эквиваленте по моему приходу, и тоже, нет-нет, да почитывала библию, поэтому по моему отходу щедро делилась всем полученным в части его натуральной составляющей с некоторыми страждущими, благо их во Владике всегда было в изобилии. Да и сам я нередко выступал в этой же роли в различных портах, как в Союзе, так и за его пределами. Ну что же, такой паритет, очевидно, устраивал нас обоих по умолчанию.

Отцу с мамой регулярно, каждый месяц высылал переводы в размере своего оклада и не подозревал, что они мне

всё складывали на книжку. Дескать, когда-нибудь я оценю их родительскую любовь и умру от счастья, увидев, сколько денег они мне накопили. Ключи от этого счастья отдали мне уже когда я женился во второй раз, при рождении сына Кости, аж в одна тысяча девятьсот девяностом году от Рождества Христова. У меня в горле пересохло, когда я увидел, как они распорядились теми деньгами, в свое время достаточно неплохими. Ну, а тогда, я переобул на них свою «шуху» и на сдачу погулял с друзьями в кабаке.

Возвращаясь к делам дальневосточным, могу сказать лишь одно – жизнь была прекрасна и замечательна и чего бы мне не жить той жизнью, так нет же – «перемен, мы ждём перемен». Решил перебираться на Запад, поближе к родне. С этого момента и начались те самые перемены в моей жизни, да и не только в моей.

После нашего переезда на Украину совсем разладились отношения с Лидой и вскоре мы расстались. У меня начался новый период, я его впоследствии назвал «междужёньем». Он протекал слишком уж бурно и если бы не ряд обстоятельств, последовавших одно за другим, то, не известно, чем бы все это закончилось. А так я, хоть и изрядно потрепаный, с припухлостями на лице, женился таки во второй раз практически через полтора года после развода. Другими словами, «не долго музыка играла».

И вот еду и думаю обо все этом одновременно. Как всё-таки странно устроен человеческий мозг, ума нет, а мысли

есть. И перелетали они неугомонные с места на место, с одного эпизода на другой, собрать их в кучу не было никакой возможности, да и желания, если честно.

Море, море, мир бездомных

Не давало покоя, что скорее всего напрасны все эти потуги, что годы ушли и море меня не примет назад в свои радушные объятия и не будет лелеять и пестовать, как раньше, во времена, когда мне давалось и прощалось так много, что если вспоминать всё это, выглядеть будет совсем уж смехотворно и неправдоподобно, как в каком-то гротеске.

Время ушло, я это понимал, но какая-то неведомая сила тянула меня опять в неизвестность, какая-то неумолимая вера в то, что впереди жизнь, которую я должен прожить и она то и есть моя, то есть предначертанная. И почему-то совсем не пугало, что уже не те стартовые условия, да и мир стал более отчуждённым, хотя сейчас начинаю понимать, это моё отношение к окружающему пространству спровоцировало враждебный холод в ответ, тогда же я не слишком заморачивался такими выводами.

Россия уже стала «заграницей» и никто меня там не ждал по большому счету. В таком возрасте начинать новую жизнь, да ещё и с нуля – дело, очень мягко говоря, рискованное, а флот, вернее то, что от него осталось после тотальной распродажи судов и другого имущества – это и не флот вовсе, а так, пародия.

Руководят морскими кадрами, за редкими исключениями, по сути сборища мошенников, в лице всевозможных

«крюингов» – агентств по отправке моряков на суда, а также вновь образовавшихся судовладельцев, которые в случае, если первые кинули не до конца, докидают уже по месту. Тогда в печати и в других источниках информации их начинают называть недобросовестными судовладельцами, а те, в свою очередь, никак не могут понять, почему же они недобросовестные, если всё, что задумано, выполнено очень даже добросовестно.

И всё же я ехал. Одним словом – зомби, наверное от этого и ощущения, что кто-то вселился в меня, добро бы человек хороший, а если какой-нить урод? И похоже это именно он напевает мне на мозги «перемен, мы ждём перемен».

Дома денег почти не оставил, а тут школа на носу. Учебники, тетради, портфели, одежда. Косте уже десять, растёт быстро. Да и Людмила, хоть и не родная дочь, но сердце за неё болит, она совсем уже девица, пятнадцать лет, практически женские запросы и никому не скажешь, что папа зарабатывает денег чуть позже, а сейчас не обессудьте за старенькое платьице, которое уже не в полной мере скрывает весьма обозначенные женские принадлежности, на радость мальчикам – одноклассникам.

Самое удивительное, пожалуй, что все мои морские начинания уже апробированы в Одессе, где я был успешно прокинут двумя крюингами и как результат, провел достаточно длительное время в этом городе. Если честно, нисколько не жалею об этом.

Жизнь получилась весьма содержательна и на приключения богата. Множество свежих эмоций, и новых знакомых, включая женщин – красивых и не очень, а также мужчин – деловых и не очень, ну и как водится настоящих и не очень настоящих друзей.

Этим двум годам можно посвятить целую повесть и было бы в этой повести всё: любовь и измена, дружба и предательство, деньги и полное их отсутствие, а так же прочие страсти, включая драки, погони и перестрелки.

Самое главное, чему научила меня Одесса – жить в непривычных, я бы сказал экстремальных условиях или, как сейчас принято говорить, вывела из зоны комфорта и заставила мыслить другими категориями, что впоследствии много раз мне помогало, а иногда, прямо скажем, спасало. Но всё это я понял гораздо позже, а сейчас ехал и наматывал обрывки воспоминаний на кулак.

На ковре из жёлтых листьев

Этот Вадим не идёт из головы, может быть он чего-то недопонимал, когда советовал ехать в Калининград, да и скорее всего так и есть. Вроде бы с виду толковый мужик и по разговору не лох. Договорился, что меня встретят и помогут определиться на первых порах. Семья его друзей, вся сплошь морская, «шарят» по теме. Он очень часто говорил: «Главное никакого кидалова, ручаюсь». Я, как никто, понимал, что такие заверения, обычно голословны, но свято верил в свою планиду.

Мы с Вадимом подружились как-то вдруг, я бы сказал стремительно. Вообще настороженно отношусь к таким знакомствам, которые, как снег на голову, падают не известно откуда, но его я принял, мы были с ним на одной волне.

Хотя почему «не известно откуда»? Очень даже известно, из самой, что ни есть «молдаванки», много раз упоминаемой в песнях, баснях, былинах и прочем одесском эпосе. Я в очередной раз зашёл к своему Светику в «Прибой», где она песнями Успенской под караоке за небольшую плату, которую мы обычно там же благополучно и спускали, раскручивала клиентов на дополнительные возлияния, чем приносила серьёзную добавку бюджету этого кафе на молдаванке, району прямо-таки, не очень богатому, если не сказать безденежному в конце девяностых.

Приняв небольшую порцию водочки, которую, как раз только несколько минут тому назад разлили и запечатали в подвале этого же дома (ощущалось по температуре и пузырькам в закупоренной бутылке), я исполнил свою коронку под караоке, это был «Вальс Бостон». Она всегда нормально у меня получалась, этим, наверное, я и прельстил Светлану, сорокалетнюю аппетитную женщину, желаемую очень многими посетителями заведения. Много раз приходилось бы мне туго, если бы ни её категорическая отставка всем непрошенным и назойливым. Она была сама из молдавских и это как-то успокаивало зарвавшихся, хотя пару раз приходилось и самому отстаивать свои права.

Обычно на эту песню бурно реагируют женщины, но в этот раз ко мне подсел мужчина лет пятидесяти пяти и сказал, что после Розенбаума, это лучшее исполнение. Я не очень любил этот комплимент, который слышал не один раз, поэтому довольно холодно отреагировал вначале. Только Светик говорила мне, что я лучший, но наверное у неё был свой взгляд на моё пение, взгляд снизу, надо полагать. Лучше автора спеть нельзя, я в этом глубоко убеждён, да и Розенбаум – певец не из последних.

Всё равно не любил этого сравнения, старался петь по-другому, но по-другому и не придумаешь, всё-таки в этой песне он гений, как и во всех ранних.

Потом слово за слово, съели мы с ним килограмма полтора водочки под закуску сытную, пивком заполировали, в об-

щем Света придерживала меня, ведя к себе домой. Всю дорогу я разгорячённо возмущался, почему, дескать, ей приплачивает Виктор за караоке, а мне, такому талантищу – нет!

– Мог бы хоть бессиво своё наливать бесплатно. Нет, всё-таки он поц ещё тот!

Вадим – так звали моего нового знакомого, опять появился, где-то дней через пять и всё повторилось один в один. Ещё при первой встрече выяснилось, что он родом из Калининграда, но сейчас проживает в моём родном Никополе, небольшом и уютном городишке на берегу Днепра, точнее Каховского водохранилища или, как его называют никопольчане, жабоохранилища, а значит, ко всему, он теперь земляк. Так я и не понял, почему он уехал из Калининграда, сильно уж нахваливал янтарный край.

– Одесса – мама курит по сравнению с величием вотчины Прусских королей и тевтонских рыцарей, а Чёрное море – это просто грязная лужа, которую и морем назвать нельзя, то ли дело прохладные воды Балтики.

Я за столько лет работы ни разу не бывал на Балтийском, но точно знал, что Чёрное – не лучшее из морей, поэтому не особенно возражал против его пьяных эпитетов.

Ну в общем на этот раз мы расстались прямо-таки друзьями. Он расплатился за стол сам и дал немало денег на чай офигевшему официанту, смеясь и повторяя мою поговорку – «всё пропьём, но флот не опозорим». Выяснилось, что он как раз на десятку старше меня, хотя по размаху желаний

и не скажешь, весьма широкий спектр интересов. Здесь он в доме отдыха, а на молдаванку забрёл так просто, посмотреть, где она, «больница, что еврейскою зовут», ну и попал под нашу со Светкой раздачу.

К ней он тоже клинья бил, особенно после её шпагатов, всё-таки цирковая школа не прошла даром и она при всяком удобном и, на мой взгляд, не всегда удобном случае, как заключительный аккорд к какой-нибудь песне, прямо на паркетном полу, демонстрировала свою растяжку, эффектно обнажая красивые ноги и сексуальное нижнее бельё, приводя в неистовство мужскую половину посетителей. Она продолжала быть артисткой цирка и конечно ей нужны были аплодисменты. Я же в такие моменты готов был её просто убить, не пойму от чего, но точно не от ревности, скорее из-за претензий на индивидуальный просмотр, короче, элементарная жадность.

Так вот Вадим тоже поначалу пробовал приударить за Светланой, но когда узнал, что она моя женщина, оставил эти попытки и больше к этой теме не возвращался.

На следующий день мы упрочили свою дружбу. Я приехал к нему в санаторий, а там баб, ну просто море необъятное. Они по лености или по скромности своей, не выходя, сидели в корпусах так, как время осеннее и на берегу было уже прохладно. Вадик пользовался заслуженным успехом в своей возрастной категории и не только. Ну и я пришелся ко двору, еле ноги уносил, имеется в виду, еле переставлял, ко-

гда уходил. Да и опять же, крепко выпивши, за одно и оправдание на ночь для Ирины, она как раз приехала этим утром и ждала в маленькой однушке на Мясоедовской, которую я снимал последние пол – года. С меня то один голый «вас-сер», высосали, как кокос. А тут приполз, на бочок и до утра не кантовать.

Надо сказать, мне привычна стала такая жизнь. Жизнь без сценария или как говорится в одном, хорошо нам известном бестселлере – «пусть день сегодняшний позаботится о себе сам».

Да вы, батенька, никак нумизмат

Я давно уже занимался довольно рискованным делом. Работал курьером по перевозке дорогих картин, предметов старины и прочих коллекционных ценностей, но главное, по перевозке античных монет и сырья для них, что само по себе, тянуло на хороший срок и в этом случае я попадал не только под удар криминалитета, но и под правоохранителей мать бы их всех вместе.

Что такое сырьё и почему оно вне закона – тема отдельная. Как из этого сырья получают монеты третьего тире шестого веков до нашей эры, да и вообще любые античные изделия, включая «дельфинчики» и даже наконечники стрел, которые в ещё более ранние периоды являлись первыми эквивалентами, вернее сказать, были прототипами наших денежных знаков, про всё это можно долго рассказывать, но уж слишком надо углубляться, а задача стоит совсем иная.

Одно только могу сказать, на юге Украины пара – тройка десятков человек серьёзно занимались этим бизнесом и денег там ходило немеряно. Во главе этой группы стоял авторитетный грузин из Киева, который координировал все поставки античных ценностей из бывшего СССР в Австрию на аукцион.

Одним из таких людей был мой старый знакомый, – коллекционер Саша, которому я в свое время, будучи при боль-

ших делах, помог уйти от серьёзных неприятностей. И теперь он переехав в Одессу, круто здесь развернулся, мы в некотором роде поменялись местами. Александр откомендовал меня на эту работу, и вот я гоняю туда-сюда чужие ценности на суммы, в два – три десятка раз превышающие стоимость моей жизни в пересчете на украинские гривны.

Но самое главное, всё это перевозилось без какого-либо прикрытия, в одиночку, в обыкновенных поездах, под час в плацкартных и даже общих вагонах. Почему не было страха – не могу понять до сих пор.

Я это к тому, что денег у меня хватало, как всегда, а значит и привычек менять не пришлось. Ира время от времени производила несанкционированный отъём средств, если я добровольно не приезжал домой, хотя бы раз в месяц и всё текло по уже устоявшемуся руслу.

Про море я ни то что бы забыл, но оно было где-то глубоко в контексте. Оно было своего рода оправданием тому, что я не живу дома, как все нормальные люди. Правда, я регулярно предъявлял свои претензии тем, кто взял с меня денег, обещая вывести на контракт с богатым судовладельцем. Кончилось тем, что деньги пришлось забирать силой, причем с привлечением бандитов, своих сил оказалось явно недостаточно. И потом уже самостоятельно, время от времени проходил всевозможные собеседования в разных конторах, как на русском, так и на английском языке. Один раз с налету хотел пройти даже на немецком, я его когда-то в школе учил,

но выяснилось, что кроме «майне кляйне поросенок вдоль по штрассе пиз... овал» ничего не помню. И все бы оно и было так весело, если бы в один прекрасный момент не стало так грустно.

Группой лиц мне было выражено доверие стать курьером уже на Австрию, дескать «человек ты проверенный, знаешь английский, можешь вести правильный диалог, если надо будет». На последнем «если надо будет» был сделан особенно четкий акцент – это означало, что не надо базарить совсем.

Вена – это первый перевалочный пункт за пределами Украины, да и России. Аукцион в Вене – это начальная стадия, ну а дальше уже Лондон и т. д. Коридор гарантировался, визы, деньги, билеты, – ничего меня не касалось. Прицепной вагон прямо в Одессе, ну просто кайф!

И всё-таки, что-то не давало мне по полной вкусить удовольствия от мысли, что скоро «бьютифул лайф». Больно складно всё получалось, да и не ездили «непосвящённые» на такие симпозиумы. Сложность заключалась в том, что среди нумизматов у меня никого, с кем можно было бы пообщаться на эту тему. Везде гриф супер секретности и конспирации, причём в общих же интересах.

За два года я уже приобрёл немало разных знакомых в этой среде и понял, что дружбы здесь не бывать, поэтому вёл себя отстранёно. Соответственно, так же холодновато все относились и ко мне, усматривая в этом элемент высокомерия.

И всё-таки случай мне подвернулся. В Херсоне на очередном выезде, когда мне уже делали визу на Австрию, разговорил я двух ребят, не из последних. Серьезной «антики» у них никогда не было, так себе, по мелочам промышляли, но интерес проявляли недетский. Все расспрашивали на первых порах, откуда, дескать, взялся такой, ведь тебя никто не знает, хотя подобные вопросы здесь задавать не принято, в общем, не очень далёкие ребята. Они были, как двое из ларца и ездили только в паре, хотя практически все группами и ездят кроме меня, никто не должен был знать сколько и чего я везу, это, наверное и спасало.

Так вот, в этот раз я был сама любезность, сдружился за пять сек. Никогда не думал, что могу быть таким лицемерным. Анекдоты, чаёк-кофеёк, можно было бы и коньячок – так нельзя. Выяснилось, что ребята, ввиду простоты наивной и любознательности нездоровой, имеют немало всякой ненужной, можно даже сказать обременительной информации. Один из них вдруг начал рассказывать, что на прошлом аукционе, цитирую: «не были представлены некоторые ранее заявленные лоты, по-видимому, был сбой на границе». Когда он произносил эти слова, у меня начал развиваться комплекс неполноценности, ну или «не совсем полноценности». Такая эрудиция и знание вопроса – с ума сойти, и лицо одухотворённое, как у Моны Лизы.

– Да и хрен с ним – сказал я, – нас то, как это касается? И тут выяснилось, что я ничего не смыслю в хитросплетени-

ях античной мафии, сейчас грядут большие корректировки в бизнесе, а один «серьезный бес» сказал им по секрету (!!!), что надо будет пару кило мануфактуры пожертвовать на погоны.

Картина сложилась вряд моментально, я тут же потерял всякий интерес к Бобчинскому и Добчинскому, поспешно удалившись думать свою мысль, чем очень сильно расстроил последних, они давно не видели таких обаятельных почитателей своего таланта и разносторонних способностей. И вот эта свободная пара ушей уходила, так и не дослушав авторитетного прогноза на будущее нумизматики и коллекционного дела в целом.

Да, теперь не было никакого сомнения, меня хотят отдать в жертву т. е. при переходе границы, таможенники должны были обнаружить у меня античных предметов, запрещённых к вывозу на сумму достаточную, чтобы можно было рапортовать об очередном пресечении хищения культурных ценностей и попытки их вывоза за бугор. Здесь конечно на лицо сговор заинтересованных лиц и поэтому никто дальше не стал бы копать, одним хорошие показатели, другим спокойствие, ну а со мной как в той песне —

- Все довольные остались,
- Снова к Досе все подались,
- А Иван уехал в Магадан.

Саша, вот сучёнок!!! Он не мог не знать о подставе и не маякнул. Конечно же, он всего лишь винтик и своя ру-

баха ближе, но всё равно, в память о том, из какого дерьма я его вытянул, мог хотя бы намекнуть. Никому нельзя доверять.

Сейчас главное понять, что делать. Как красиво уйти целым и невредимым. Ведь если откажешься, то перекроишь себе кислород в этом бизнесе навсегда, хотя какой там бизнес, сплошная рулетка.

Ситуация, мягко говоря, очень щепетильная, да и червь сомнения не даёт покоя, вдруг сам себе всё это придумал и нет на самом деле ничего страшного. Но интуиция и без того говорила мне обратное с самой первой минуты, а теперь и логика не могла не увидеть явного провокационного подтекста и подсказывала, что я по всем параметрам прекрасно подхожу на роль козла отпущения.

Действительно, я ведь так и не стал своим в этой среде и отчуждённость была иногда прямо-таки неприкрытой. Логика в тандеме с интуицией – это термоядерная смесь и она сильнее любых доводов. Всё, надо прыгивать.

Причина. Нужно было искать серьёзную причину. Хотя с другой стороны, она должна быть настолько простой, что бы можно было сказать: «дурак, он и в Африке дурак». Сложность заключалась в том, что меня не считали этим самым дураком, и потом надо, что бы никто, не дай бог, не заподозрил моего сговора с Сашей, тем более, что его и не было. А вот на Сашу у меня теперь совсем другие виды, он мне нужен был при добром здравии, да и себе я желал бы не хво-

рать.

Конечно можно было бы тупо заболеть, но это как раз совсем не то. Решение пришло как-то внезапно. Запить. Ведь это же так просто, взять и запить. Более естественным, чем запой, для русского человека может быть только одно – очень сильный запой. Тем более я всегда любил сочетать приятное с полезным. И начинать надо прямо сейчас, что бы успели подготовить замену.

До того, пока коллекционеры всех мастей разъедутся из Херсона по домам, ещё пара-тройка часов, поэтому можно зарисоваться уже сегодня. Я принял дозу коньяку и с полупустой бутылкой заявился на слёт, имитируя слишком подвыпившего балагура из провинции. Нёс всякую ахинею, очень сильно расстроил своих новых друзей, один из которых, как всегда беспардонно и очень разочаровано сказал: – «Надо же, как спиртное меняет людей! Ну никогда бы не поверил, если бы сам не увидел».

И потом, где-то через часик, я все-таки услышал долгожданный шёпот: «Вот что бывает, когда падает код». Слегка отпив из бутылки, как бы в пьяном угаре, развернувшись и чуть не завалившись на «головы беспечных парижан», я переспросил: «Кто-кто падает?!» – и увидел, что это был Миша – сильнейший реставратор из Запорожья, а по совместительству близкий приятель Гурама, для кого, собственно, весь этот спектакль и устраивался.

– Не дождетесь, скорее я сейчас начну кое-кого валить.

Все молча выслушивали этот бред, думая, а вдруг в сумке «волына», кто его знает, дурака пьяного. Благо, что публика вся сплошь культурная, а так могли бы и в голову настучать.

План минимум был выполнен. Громко выругавшись и заключив на прощанье, что среди собравшихся нет ни одного нормального мужика, с которым можно потолковать и выпить по чуть-чуть, отвалил восвояси.

Теперь второе – Саша, вернее мое поведение в отношении него. Сказать ему, что я взломал их план? А вдруг он подстрахуется и все выложит по лестнице, вот тут-то будет совсем плохо, хуже, чем если бы я просто отказался от предложения. Тут меня сразу обвинят в мутках, которые привели к убыткам.

И все-таки встречаться с ним необходимо, но чуть позже, когда он узнает о случившемся, вернее о реакции заинтересованных лиц на случившееся, тем более, что у меня материала тысяч на сто.

Короче, еду в Никополь, а там будет, что будет. Саша знает, где меня искать.

Лучше недоперепить, чем перенедовыпить

И вот я уже дома, весь в ожидании разворота последующих событий. Надо сказать, мне и дома не желательно светиться. Зная Сашин заячий характер, легко можно предположить, явится он не один, а с кем-нибудь из коллег, чтобы снять с себя всякие подозрения. И в этот самый момент легенда должна быть подтверждена на все сто, если не на двести. А это не так и просто, я ведь не заканчивал никаких «Щукинских». Зато у меня был один всенепременно жирный плюс – я знал, что такое запой и не понаслышке.

Пришлось съехать к Серёге Иващенко. Мы так давно друга друга знали, что его я помню раньше, чем себя, мы даже в сад в одну группу ходили. Он давно развёлся с женой и теперь жил в однокомнатной холостяцкой квартире, в другом районе города. Ирка знала адрес, не раз отлавливала меня там в самые неподходящие моменты.

Обстановка в квартире всегда была запойной. С тех пор, как Сергей развёлся, прошло уже лет восемь и на моей памяти, для него не было ни одного трезвого дня. Так, что все декорации налицо, а массовки... да вот они уже и стучатся, Серега, наверное, уже успел свиснуть кентам, «брат с севера вернулся, будут наливать».

Его новые друзья во мне души не чаяли. Я для них был ну просто мультимиллионер, к тому же не жадный, что по их словам бывает крайне редким сочетанием. Ни раз я пытался вытащить друга, но ничего не получалось, прочно засосало его это болото. Наверное, всё-таки у каждого своя судьба.

Человека с таким количеством талантов, мне в жизни встречать больше не приходилось. В детстве он таскал меня за собой по всяким кружкам. То танцевальный, то драматический и даже исторический (хотели попасть на раскопки, в десяти километрах от города раскапывался знаменитый скифский курган), это не считая его постоянных уроков музыки. А то вдруг бокс или футбол, парус и прочее. Хотя конечно бокс на себя все перетянул, стал неким смыслом бытия, ну а в последствии и забытья.

И везде Сергей добивался серьёзнейших результатов, становился незаменимым, руководители, тренеры и прочие наставники даже домой за ним приходили в случае, если его долго не было или он болел. Играл на пианино, аккордеоне и конечно же на гитаре. Кто тогда не играл на гитаре, ну разве что безрукий. Но как играл!!! Девочки умирали! Парни тихо завидовали, хотя лично я никогда не испытывал зависти по отношению к нему, напротив, гордился, что он мой друг, тем более от этого рос мой авторитет на районе, да и вообще по сути мы были братья.

И вот сейчас братуха погибал практически на глазах и ничего не возможно было сделать.

К этому всему очень сильно приложила руку старшая сестра Ольга, которая выбила через суд огромный дом Сергея. После ранней смерти сначала отца, затем и матери в наследство осталось два больших дома, один Ольге, другой Сергею. Когда Серега начал попивать, ушла жена Татьяна с дочкой, что послужило, своего рода, катализатором для дальнейшего продвижения по наклонной. Затем активизировалась и сестра, забрала дом, купив ему однокомнатную хибарку. Он ничего мне не говорил об этом, я мог бы ему помочь, хотя не уверен, что стал бы. Слишком уж плачевно всё смотрелось со стороны. Но по справедливости, дом должен был достаться хотя бы дочери Сергея, только поэтому можно было бы вмешаться. Ну в общем предательство ближайших людей сводило в могилу очень многих и он был одним из тех, кто испил сию чашу до дна.

Но тогда Сергей, слава богу, был ещё жив и всегда радовался встрече со мной. Он немного стеснялся своих новых друзей и поэтому не давал им засиживаться или, точнее сказать, залёживаться, когда я оказывался у него дома.

Короче говоря, это место, как никакое другое, подходило для процесса, который мне надо было проимитировать. Ждать долго не пришлось. Все было именно так, как я предполагал и даже круче. Объявился Саша, прибыв ко мне домой, с Петром. Петр – это владелец сети антикварных магазинов, с собой он взял одного бойца, на тот случай, если я решил прикарманить материю. Вот народ! Всё по себе мерят!

Ну раз так, брали бы уже человек трёх, даже обидно как-то.

Ирина наговорила про меня кучу гадостей и сообщила адрес «бичарни», где меня можно было достать. Туда вся эта компания и заявила.

Он так ударил, дуралей, что я выпал из туфлей и забыл где мой дом и как зовут

– Ну ты смотри, гора пришла таки к Магомету – голосом похмелившегося приветствовал я вошедших – отпала необходимость мне сегодня ехать в Одессу, а значит можно сгонять ещё за одной. Как вы, господа? Не желаете ли отведать чего-нибудь из местного разлива?

– Я тебя не узнаю, Юра. Ты хоть понимаешь, что творишь? Почему именно сейчас? Ты даже не представляешь, какой резонанс от твоего позавчерашнего выступления! Это что вообще было, саботаж?

Я понимал, Саша делает мне пасс этим вопросом, было очевидно, что он не хочет такой классификации моего поведения и дает понять, что надо по-быстрому оправдываться, пока не произошло чего-нибудь такого, что не позволит в дальнейшем вернуться к паритетным отношениям.

– Да ты что, родной?! О каком саботаже ты говоришь? Мне вообще не понятен твой лексикон, какое выступление ты имеешь в виду? А-а, это на счёт Херсона, так это же не позавчера было, а в воскресенье, – начал я симулировать потерю координации во времени, – опомнились. А как ты прикажешь с этими козлами разговаривать, достали по самое

не горюй. Что везёшь, кому везёшь, сколько везёшь и где всё остальное? Нет, ну правда, Петя, попробуй в таких условиях поработать.

Я попытался приобнять опытного и матёрого волка, антикварщика в третьем поколении, дыша перегаром ему прямо в нос.

– Не Петя я тебе, следи за базаром – побагровев прошипел Пётр, брезгливо скривившись – где материя и бабки, и поверь, лучше будет, если ты не скажешь сейчас, что не знаешь. Ты ведь знаешь где они?

– Обижаете, зайчики мои, – ничуть не смутившись, продолжал я в том же беспардонном тоне, – это когда бы я так терял голову, чтобы забыть о работе? Что-то не припоминаю каких-нибудь нареканий на свой счет.

– Считай, что они уже есть. Точнее сказать – это строгий выговор с занесением, вынесением и приведением в исполнение, – сквозь зубы процедил Петр, и я почему-то сразу вспомнил, что он был первым помощником капитана на судах черноморского пароходства. Комиссары – они всегда и всюду похожи между собой и не важно из какого пароходства, ДВ или ЧМ, хрен овса не слаще.

– Я думаю, что вы назад заберёте все свои слова, когда узнаете какую делюгу я заварил в Керчи. Если все срастётся, ты Саша, как мой друг, тоже сможешь на Дерибасе «Золотой петушок» поставить.

– Он бредит походу, – сказал Пётр – Ну-ка узнай у него

где материал – кивнул он на бойца. Боец выверенным движением ударил меня кулаком в район печени. Как-то сразу ударил, без разговоров. Я не успел ни отреагировать на удар, ни тем более его избежать, всё-таки пить – здоровью вредить. Ведь это и был тот недопустимый оборот дела. Выходит, я переиграл в этой сцене с Керчью и особенно с «Золотым петушком». Мне хотелось заинтриговать Петра, дать понять, что знаю нечто, способное принести серьёзные деньги, настолько серьёзные, что очень быстро можно увеличить прибыль от его многолетнего золотого бизнеса. А ведь такое за мной уже водилось. Я принёс корпорации серьёзных поставщиков «досок» семнадцатого века. Они все обварились, как раки, да и я остался не в накладе. После этого мне дали большую свободу и возможность действовать самостоятельно, в том числе использовать денежные ресурсы, полученные в результате продаж, самостоятельно, без согласования.

Удар был каким-то детским по силе, но достаточно внушительным и красочным по драматургии, я бы сказал зрелищным. Ну как бы там ни было, я конечно же мог не падать и не терять сознание. Сейчас это было необходимо, что бы как-то разрядить ситуацию и получить дополнительное время для осмысления, ведь всё пошло не так, как задумывалось. Поэтому я ёкнул и картинно повалился на пол, таково должно быть действие удара по печени, когда его выполняет настоящий профи. Лежа на полу, мне почему то подумалось, что парень, как боец, совсем сырой, не стоило возить

его в такую даль.

И вдруг, о Боже! я услышал, как заскрипела кровать, на которой, молча, сидел до этого момента Сергей, он поднимался на ноги. Никто не обращал на него никакого внимания, так как вообще за человека не принимали, это совсем другой мир и в нём нет места таким, как он. Сквозь полу сомкнутые веки я увидел, что он уже стоит левым плечом вперед. Я крикнул «нет», но удар уже пошёл. Это был хлёткий хук справа в челюсть, Сергей выполнил его по всем канонам боксерского мастерства, с поднятым правым локотком, уведённым во внутрь правым носком ноги и полуприсев влево вниз.

Боец осыпался прямо себе под ноги, никуда не переместившись, как и положено при нокауте этим ударом. Если учесть, что никаких боксерских перчаток не было и в помине, ситуация была просто критическая.

Я вскочил на ноги и схватил Серегу в охапку, боясь, что тот не успокоится и продолжит то же самое с остальными. И откуда же силы у него на такие удары, после стольких лет беспрерывной пьянки. Нет, всё-таки опыт так просто не пропьёшь. Мастер Спорта СССР – это не нынешние титулы на купленных сборах для богатых мальчиков или, во всяком случае, для тех, за кого заплатили. Никаким образом не хочу обидеть, никого из современных единоборцев, но система отсева в СССР была великолепна, успеха добивались действительно лучшие из лучших и чтобы стать даже канди-

датом, не говоря уже Мастером Спорта СССР в боксе равно, как и в других видах единоборств, тогда надо было пройти через столько поединков, через сколько нынешние профессионалы не проходят за всю свою карьеру, включая детские драки с одноклассниками.

Это я сейчас пишу такие отступления, размышления о путях развития отечественного спорта, о том что было, есть и будет, а в тот момент, когда события разворачивались по неуправляемому сценарию, чреватому ни то что бы неприятностями мне и моему другу, но чего там греха таить и реальной опасностью для нас обоих, мне было не до шуток. Причём, были не совсем понятны границы этой опасности и главное, что же делать прямо сейчас.

Ну во-первых я знал, что парень не встанет так быстро, как в голливудских блокбастерах и не сможет самостоятельно перемещаться на плоскости. Дай бог, что бы они сегодня уехали домой, я понимал, что все приехали очевидно на машине Петра, а за рулём, скорее всего и был боец. Пётр давно не садится за руль, не графское это дело и конечно же прав у него с собой нет. Саша вообще не умеет водить. Я пьяный и естественно не повезу, можно конечно кого-нибудь нанять, но это только в том случае, если до этого дойдет, ведь все эти мысли пролетают в долю секунды, а ещё никто ничего не успел воскликнуть.

Это только для меня кадр, как будто остановился и я вижу перепуганное насмерть лицо Саши и шоковое состояние

Петра, и злобные глаза Сергея, готового порвать всю эту свору, и его непонимание моего пассивного поведения во всей этой истории, скорее даже осуждение. А самое страшное это то, что я сам спровоцировал этот шаг своим падением и теперь надо спасать ситуацию.

Я крикнул Сергею:

– Идиот, ты опять на дурку хочешь, тебя ведь только выпустили, сейчас тремя годами не отделаешься, закроют на веки.

Сергей смотрел на меня широко раскрытыми глазами, все-таки мы очень давно знали друг друга, поэтому понял, если я повёл игру, мне надо подыгрывать, он доверял мне. Крепко держа за предплечья мне удалось с подсечкой уложить его обратно на кровать, оказавшись сверху так, что моего лица не было видно остальным. Подмигивая и корча рожицы, я всячески давал понять Сереге, что тому лучше уйти, но его мозг, не очень обременённый умственной нагрузкой последние несколько лет, подвис окончательно. Он совсем не сопротивлялся, а я продолжал симулировать борьбу с озверевшим монстром, который в любой момент может всех порвать и ему за это ничего не будет, так как, скорее всего, у него и справка есть из психоневрологического диспансера.

Едва слышно я прошептал ему на ухо – «пена». Сергей смотрел на меня, как на шизофреника и наверное уже начал сомневаться в моей адекватности, что и не удивительно,

за последнее время в его квартире слишком многие её уже теряли, мозг по-прежнему не хотел работать, полный ступор и похоже сейчас начнут действовать агрессивные рефлексy, в глазах уже поднимается протест.

– Там в ванной должны быть верёвки, – крикнул я застывшим горе карателям, – несите сюда, будем вязать.

Никаких веревок не было и в помине, мне нужно было две секунды наедине. Их обоих, как ветром сдуло в ванную комнату, если можно так сказать в случае с Серегиной квартирой.

– Пускай пену изо рта, эпилептик, делай приступ, и трясись, слышишь, трясись!

Наконец то и до Сергея дошло, что я от него хочу, и он начал разыгрывать приступ. Опять же талант, его тоже не купишь и не продашь. Ну и я конечно красиво играл.

– Ложку, скорее несите ложку или вилку, надо зубы разжимать! Ну чего вы копаетесь, быстрее, – ну и так далее.

За этой суматохой как-то на время забылось главное. Забылось для всех, но не для меня. Я успел расслышать, как Саша тихо пролепетал, что надо бы на воздух, на что Петр одобрительно угукнул. Боец потихоньку приходил в себя, уже сидя на полу.

Когда Сергей успокоился и стал равномерно дышать, я картинно вытер пот со лба и произнёс:

– Натворили вы дел, зайчики мои! Я даже протрезвел. Ну и кому это надо было? Вся материя в безопасном ме-

сте, через пару недель рыжего сырья с двух амфор прилетит на несколько лямов. Я это дело вёл уже больше года. А остальные бабки на следующий слёт в Киеве, там за три доски и полный кляссер Фанагории.

Я вдруг словил себя на том, что не о каком запое речи уже не идёт, но зато, спонтанно пришедшая идея выставить себя незаменимым, хотя бы на короткое время, пока найдут другого козлика и отобьют ему рожки, была совсем даже не плохая. Все, надо блефовать.

– Ты смотри, как он умеет с больной головы на здоровую перебрасывать – первым пришел в себя Пётр. – Сейчас ты и твой друг ответите за Гришу.

– Григорий, кто ж тебя научил ни за что – ни про что так избивать людей? Прямо как твой бородатый тезка в Петрограде на заре революции. Только вот у тебя бородка походу ещё не растёт, а так замашки те же.

Боец с редким, как выяснилось, именем сидел уже на ящике из-под пивных бутылок, который все здешние обитатели почему-то называли табуретом. Мне сначала он показался парнем лет тридцати, теперь я отчётливо видел, что ему было не больше двадцати пяти. Детский обиженный взгляд метался из стороны в сторону, боясь встретиться с чьим-либо другим. Понимая, что не оправдал высокого доверия, не абы каких людей, он как-то по-ребячьи трогательно гладил свою левую скулу и всё время морщился, когда его затуманенный взгляд упирался в кровать, на которой лежал пьяный сума-

шедший маньяк и что самое страшное – маньяк был всё ещё не связанным.

Я подумал, что может он и оклемается до вечера, чтобы уехать своим ходом, но сейчас главное до конца потушить пожар и напустить побольше мути на счёт новых горизонтов сотрудничества, а главное остаться в нормальных отношениях с Петром, что само по себе, наверное, уже не возможно, репутация сильно подорвана и местом, где я сейчас нахожусь и текущими событиями, да и человек он просто мстительный и скверный по всем параметрам, никогда не прощает чужих и тем более своих неудач. А сейчас был срыв его плана, хотя конечно рано говорить о срыве, он ведь хитрый лис, ещё что угодно может придумать. Ну, Саша, не мог кого-нибудь нормального взять на операцию. Хотя, конечно же, не он решает подобные вопросы.

И всё же самое главное, что я почерпнул из сегодняшнего инцидента – идея вывести меня из игры, была инициирована именно Петром. Как-то сразу ларчик открылся. Ведь был же первый звоночек тогда в «скупке», после моей неудачной шутки. Громко, во весь голос я сказал, что если б я был султан, я б имел трёх жен, а может даже и четырёх, при этом очень пристально глядя на любовницу Петра Ларису, по совместительству менеджера по работе с клиентами, женщину редкой красоты и обаяния. Я никак не мог понять, как она водит дружбу с таким отвратительным субъектом, ведь место ей, если не в Голливуде, то на Мосфильме, да и в «Плейбое»

она бы сиротой не смотрелась, но с Петром в одной постели – это просто парадокс какой-то. Причём, зная, что у него здесь же, ещё две дурнушки, не считая жены, которая, не поверите, тоже здесь работает, короче говоря, четыре в одном или попросту все..., кроме уборщицы..., хотя кто его знает, раз пошла такая жара.

Мне всегда казалось, что Лара отвечает мне взаимностью, а может быть я просто страстно этого хотел, во всяком случае, своё отношение к ней я специально, как бы неумело, скрывал. Мои нескромные взгляды очень часто перехватывал Пётр и похоже с «султаном» на тот момент я перебрал лишку. Очевидно, чаша терпения была уже полна и понял я это только сейчас. Вот теперь уж точно всё стало на свои места.

Ну что ж, когда враг определился, стало даже отчасти легче. Хотя легче конечно не стало, враг был очень сильный и влиятельный, причём во всех ипостасях. В Одессе его знали все власть имущие, и он, от знакомства с ними, умел брать свою выгоду. Где надо – подставить, к кому надо – заехать, комиссар, он и есть комиссар.

Поэтому для меня в любом случае сейчас нужен был тайм аут для того, чтобы сообразить, что делать дальше, но как их спровадить, не уронив лица. Ведь для продолжения моей работы, надо было бы остаться в молодцах и в тоже время не поехать на Австрию. Причина для этого была мною так неожиданно найдена, но причина была скорее для бос-

са, это он должен заинтересоваться моими новыми мнимыми знакомыми и не дать мне сесть куда-нибудь не туда. А я то, как раз должен с радостным визгом стремиться в Вену, на встречу вновь открывшимся перспективам. Никто не должен знать, что я вкуриваю ситуацию.

Да и Пётр, продуманчик, может и не довести до сведения новую инфу, а всё повернуть в таком свете, что сливай воду. Его надо лично заинтересовывать, а я ещё не придумал, как.

Ах, если бы мне, хоть пару минут наедине с Сашей, но этот заяц боится и смотреть в мою сторону, а действовать надо сейчас и действовать не ordinarily, всё время сбивая их с толку и не давая оценить ситуацию.

Я прошёлся по комнате и при повороте незаметно коснулся Серегиной ноги, это был знак, что ему надо вставать. Лишь бы он не начал импровизировать, тем более, что крепко «выпимши» с утра, как впрочем и всегда, он жаждет и свершений, и открытий чудных.

– Не понимаю, Саша, а что, собственно говоря, происходит? За столько времени, я первый раз бухнул и такие мансы мне здесь сразу устраивают, я что, мальчик вам! Или может быть у меня в кармане есть запасная печенье? Или у тебя?

Саша сразу понял мой намёк, он вообще очень умный колобок, и от бандитов ушёл в своё время и от стражей закона, как вы понимаете, тоже.

– Да я знаю, Юра, с тобой никогда никаких проблем, получилось как-то спонтанно, никто не хотел ничего подобно-

го, просто Гришка поторопился.

– Поспешишь – людей насмешишь, хотя разве здесь до смеха, когда тебе за твою доброту и ласку вместо благодарности по печени мочат. А между тем через три, максимум четыре недели все окажутся просто в шоколаде. Я когда узнал, что итоги моих многораундовых переговоров дали позитивный результат, от радости решил расслабиться. И, вот, на тебе, такая реакция со стороны ближайших товарищей.

От вечно саркастических высказываний добрая половина моих знакомых давно уже подустали, главным из них, несомненно, был Пётр, он пренебрежительно спросил:

– Ну и что это за многораундовые переговоры? Интересно, ты гонишь или бредишь? И то, и другое оправданием тебе уже не послужит и не надейся.

– Как сказать, как сказать! Игра на очень большие деньги. Я ещё даже не решил, кому первому озвучить правила этой игры. Не знаю, может быть сразу Гураму, тогда точно все срастётся, только выхлоп для участников сократится вдвое, если не втрое. Поэтому и хотел сначала с вами пошептаться, вроде бы не чужие люди, хотя теперь и не знаю, друзья – не друзья, враги – не враги. Ну, уж точно не хотелось бы Мише, потому что он поц редкий, но зато при бабках, достаточных для всей операции, поэтому не исключено, что и ему.

Я специально так сказал, зная, что Пётр недолюбливал Мишу – запорожца, как впрочем, и всех остальных, только Саша, ввиду своей уникальной покладистости, соответство-

вал требованиям, которые Пётр предъявлял к своему окружению. Он, как всегда, сморщился.

– Ты что, не знаешь, сказать Мише – это всё равно, что сказать Гураму, столько времени в бизнесе, а до сих пор прописи не изучил.

Да, это был небольшой прорыв за весь сегодняшний день. Это означало, что: во-первых – Пётр повёлся на блеф, во-вторых – оказался со мной на одной стороне баррикад, а в-третьих и это самое главное, – хоть и косвенно, но высказался в отношении Гурама, т. е. не надо ему говорить, сами можем всё решить. Он даже не заметил, что инициатива теперь у меня. Да, жадность губила многих, таких же опрометчивых.

Конечно же в следующую секунду он пожалел об этих словах и наверное уже готовился ретироваться, но в этот самый момент опять скрипнула кровать и Сергей из положения лежа перешёл в положение сидя. Все замерли в ужасе, так как выражение его лица не имело ничего похожего на миролюбие.

– Юра, пусть он держит себя в руках, так будет лучше в интересах дела.

– Конечно, Саша, для дела будет гораздо лучше, если мы все будем держать себя в руках, хоть на старости лет научимся этому искусству. Как дела, дружище? У тебя опять был приступ эпилепсии, ты конечно же не помнишь. Ну ничего, ты полежи, а я сейчас договорю с ребятами и они пойдут,

главное не нервничай, тебе нельзя.

– Что за амфоры с рыжьём, откуда они и кто хозяин? – не успокаивался Пётр.

– Ребята, черные копатели надыбали.

– Какие такие ребята, я их всех до одного, не только по ро-
жам, но и по именам знаю, шлак один, а не люди. Их при-
валивает в шурфах, а они всё равно пьяные лезут, кто там
мог бы удержать такое в секрете, да они уже на следующее
утро стали бы высыпать это всё в ближайших ломбардах.
Что-то не то ты лепишь.

– Не из Керченских. Из новых, из Краснодарских. Они
по бойчее наших будут, у них ко всему снаряжению есть ак-
валанги и насос. Получается наподобие мини земснаряда.
Работают как на берегу, так и в прибрежье. Подняли две ам-
форы с золотыми монетами, по их словам уже скоро год, как
нашли, но боятся выходить сами на покупателя и резонно
боятся, как вы понимаете. Место, где нашли, тоже не откры-
вают, они вообще очень осторожные. Я то им ни друг, и ни
родственник, просто держусь всегда в одиночку, вот они ко
мне и присмотрелись на одном из слётов в Киеве. Сразу по-
чувствовал, ребята хотят что-то предложить, но не решают-
ся и повел себя попроще, чтоб потянулись. И они, таки по-
казали мне одну монетку. Это был золотой Ауреус Тиберия,
от состояния я потерял дар речи. Состояние – шесть. Ну я
харю чайником, дескать неплохая монета, но для меня лично
нужен вал, так как я больше торгаш нежели коллекционер.

Ну а дальше дело техники, не давил на ребят, наоборот больше рассказывал про всякие тонкости, советовал им быть поосторожнее, короче проявлял отцовскую заботу, в тоже время намекая, что как скупщик, я тут основной и если не хотят иметь неприятности, пусть никому ничего не показывают и не рассказывают. Только на третьем после этого слёте они признались мне, что подняли это с запечатанными амфорами, как будто я и сам не видел, такое идеальное состояние в открытом грунте просто исключено, в воде естественно тоже. Какой-либо реставрацией тут даже и не пахло, поэтому налицо хранение в бескислородной среде.

Мне легко было молоть языком так, как я действительно познакомился с такими ребятами и всё именно так и было, просто масштаб конечно гораздо скромнее. Я хотел когда-нибудь выйти на этот канал поставки, наладив свой сбыт, что само по себе было смертельно опасно, в самом прямом смысле.

– Как ты с ними держишь связь – у Петра глазки всё-таки горели – может они тебя лохуют, что-то много непоняток, новички не могут с таким размахом работать, а если не новички, то знали бы что делать, не исключено, что за ними уже идёт слежка или они подсадные утки.

– Не исключено, но игра стоит свеч и если вы не в доле, то я буду искать другие пути или проще говоря, человека с деньгами.

– Ты не сказал, как держишь с ними связь.

– А я и не должен никому отчитываться, но тебе Петя скажу, коль скоро мы, наверное, будем таки партнерами, у меня есть их абонентский ящик. Последняя встреча, где была достигнута договоренность о том, что я прикуплю первую небольшую часть клада, была как раз набита по телеграмме на этот ящик. И в дальнейшем буду покупать по мере реализации, так я им посоветовал, сказав, что будет безопасно, хотя ребята молодые, хотят всего и сразу, боюсь, ведут ещё где-нибудь переговоры.

– Конечно ведут, ну ты даешь, Юра! Как ты смог так оплошать, тебе сразу надо было мне рассказать об этом, друг называется – опомнился Саша – уже всё было бы по местам.

Ты смотри, уже опять друг, Саша всё-таки ещё тот уж, без мыла лезет. Интересно, какое место он определил этим мнимым пацанам, страшно подумать какое, да и моё, я думаю, где-то там, невдалеке.

– Э-э, господа хорошие, а ничего, что я здесь сижу у вас в гостях? – очень по делу и вовремя подал голос Сергей, давая мне время для сочинения следующей части истории. Лишь бы он не переусердствовал.

– Ничего, Серенький, осваивайся, будь как дома, скоро стол накроют, потерпи.

– Короче, мужики, перед самым Херсоном у меня была встреча в Симферополе с ребяташками, где договорились, что к концу этого месяца, максимум началу следующего, я еду в Краснодар для отбора первой партии монет и опреде-

ления их окончательной цены. Предварительная – пятьсот баксов за Ауреус такого состояния, как тот, который я видел. Вы же понимаете, что это значит, эти ребята не до конца догоняют масштабы катастрофы, но там есть много чего другого, и конечно же я буду торговаться ещё и за опт.

Так, а денег нам, хоть дадут?

Я блефовал по полной, мне уже стало легко. Сейчас главное, чтобы Пётр быстро выразил общественности сомнение по поводу отправки меня на нары, а к нему всё-таки прислушиваются, нашёл бы мне серьёзную отмазку за Херсон и всё бы оставалось на прежних местах, так как на мою работу не поставишь кого попало и замену надо готовить тщательно. Напротив, чтобы проехаться ветерком на поезде до границы, много ума не надо и конечно же человека найти будет гораздо проще. Тем более, что до следующего аукциона время ещё оставалось.

Конечно же он понимает, что я ему крайне необходим. Я возьму на себя все риски, связанные не дай бог с законом и ещё более не дай бог с Гурамом. Ну никак без меня не обойтись в случае, если до того дойдёт всё это. Тогда Пётр просто морозится и говорит, что ни причём, все стрелы на него перевёл я, потому что решил отомстить за что-нибудь и опорочить его честное имя. Ну и конечно же без меня, самой сделки не может быть и он так и не узнает, где находится клад.

– Всё это слишком просто и красиво, чтобы быть правдой – задумчиво проговорил он – как ты хочешь потом проходить границу с таким товаром, её сейчас проходить труднее, чем западную? Да и где гарантия, что там не примут

со стволами или наручниками.

– А вот для этого у меня и будут союзники в лице Петра и Саши, кстати сказать, очень головастые ребята и с огромными связями на всём пост советском пространстве, думаю, что я им и поручу все процедурные вопросы.

– Как ты уже достал своим плоским юмором и кто может тебя выдержать больше десяти минут.

– Так вы, зайчики мои, терпите меня уже битый час, то-то май френд злится, что вы процесс тормозите, не ровен час, гонг ударит на второй раунд. Кстати материал здесь, конечно и естественно отчет у меня не готов, я обычно готовлю на начало месяца.

Я воспользовался тем, что Саша был немного в стороне, потянул его за руку, он сразу всё понял.

– Так а какой смысл сейчас отчитываться, просто мы боялись, что ты забухал и не дай бог посеял всё. Так же Петя?

– Так же, так же – скривившись буркнул Пётр – пусть всё равно покажет материю, а то может бомжи уже давно бухают за здоровье античных императоров, вернее, за упокой души.

Это он напоследок решил оставить своё слово последним. Я его уже хорошо знал и с готовностью предоставил это слово. Молча, полез под кровать, вытянул мешок, из мешка вынул большую полосатую сумку – «мечту окупанта», а уж из неё достал три дипломата с кляссерами и две иконы (доски) завернутые в несколько слоев плотной материи.

Краем глаза я всё время следил за Григорием, всё-таки

молодой и здоровый, он, похоже, приходил в себя, так что хоть с остановками и потихоньку, но ехать сможет. Всё, как в том анекдоте про ручки тоненькие, ножки тоненькие: «Ты хоть ходить можешь? – Могу. – Ну и иди на х. . . . .».

Петр мельком взглянул на товар, можно подумать он знал, чего и сколько там должно было быть.

– Завтра ждем тебя в Одессе и без фокусов.

– Никак не получится, послезавтра меня ждут в Харькове, а это, если ты хорошо знаком с географией, в другом конце нашей необъятной страны.

– Ой, блин, я уже больше не могу. Саша, где ты его надыбал? Эй ты, горе боец, ехать можешь?

– Да – с готовностью приподнялся Гриша и тут же его начало рвать.

– М-м, да-а. И что будем делать, я то водительское с собой не брал. Понабирают детский сад, бляха!

– Нет-нет, это я просто что-то съел, а так ехать смогу, если станет плохо, остановимся, два пальца суну в рот и опять поедем.

– Тебе надо сунуть не пальцы и не только в рот – прошипел Пётр.

Я то знал, что это самое обычное сотрясение, но удерживать по известным причинам не стал. Проводил их до машины, пожал Сашину руку, протянул руку и Петру, он очень-очень нехотя ответил на пожатие, понимая, что в конечном итоге проиграл этот поединок и всё же решил напоследок

отыгаться:

– Ты наверное ещё месяц будешь вонять этой блевотиной, которая разит от твоих друзей и подруг.

– Мои друзья хоть не в балонии,

Зато не тащут из семьи,

Блевоты запах от Григория,

А это всё друзья твои.

И глядя со смехом на несчастного Гришу, совсем уж трезвым голосом спросил:

– Да, кстати, не звонили тебе на счёт визы, уже должна быть, по идее.

– По-моему там отказ по тебе, это не точно, но скорее всего.

Вот тварь, неужели сможет устроить мне отказной штамп в загранпаспорте. Ну да ладно, всё, что ни случается – к лучшему.

Вот на такой полу мажорной ноте мы и расстались.

Битому не йметя

Все шло своим чередом ближайший месяц и даже немного больше. Я по-прежнему блефовал напропалую. Заграничный паспорт, как ни странно, мне отдали с визой, но только одноразовой, в Вену поехал, очевидно, кто-то другой, хотя повод для волнения сохранялся, вдруг что-то не срастётся и всё по новой.

Но вот, наконец пронеслась весть о происшествии на границе, о том, как пострадал какой-то коллекционер, перевозивший антику на большую сумму, и что теперь, скорее всего затянут гайки и надо быть осторожнее в разы иначе можно попасть под анти контрабандную компанию, которую в таких случаях по директивам спускают сверху вниз. Я вздохнул с облегчением и подумывал только о том, как погасить визу.

Ехать надо было, как всегда, сочетая приятное с полезным. Приятное потому, что ни разу не бывал в Австрии, полезное, так как надо было искать самостоятельный выход на сбыт. Человека, который в основном осуществлял приём материала, шедшего с нашей стороны, звали Митко. Вот пожалуй и всё, что мне было известно по теме.

Я понимал, что с ним то и нельзя было пересекаться, он, скорее всего, не станет менять коней и сдаст меня или здесь, или там. Самое сложное заключалось в том, что я не знал

его в лицо, хотя кое-какие признаки все же были, он неплохо говорил по-русски, кроме того был в очках и полный. Скорее всего инкогнито Митко бывал на киевских тусовках, так что мы могли друг друга видеть, что ещё больше усложняло дело.

Пётр с Сашей торопили меня с новыми знакомыми, настаивая, что бы я их засветил. И я не видел причин, по которым можно было бы им отказать – партнёры, мать бы их.

В конечном счёте можно было послать всё это куда подальше, но бизнес приносил хорошие деньги, лучшие, чем любые моря и реки вместе взятые. Так опрометчиво, я – глава семейства из четырёх человек, поступить, как мне тогда казалось, не мог и продолжал свой блеф, хотя начинал уже готовить почву для соскока.

Это гораздо позже, уже через несколько месяцев, сидя в вагоне, который гнал меня в Калининград навстречу неизвестности, я понимал, что заигрался тогда и что обыкновенная **жажда наживы чуть не стоила мне жизни и не только** мне, но об этом немного позже.

К нашим баранам или со свиданьем

Сейчас же вернёмся в плацкартный вагон поезда Харьков – Калининград, где ваш покорный слуга, томимый головной болью, тошнотой и пост запойной депрессией, перемещался на северо-запад европейского континента, медленно и уныло удаляясь от того, что было, но стремительно и бесповоротно приближаясь к тому, что будет (красиво).

Поезд прибывал ближе к полудню. За ночь прошли три границы, соответственно шесть пропускных пунктов. На двух из них меня раздевали до трусов, интересно, за кого они меня принимали? Хотя может быть мой недавно свернутый на бок нос их не вполне устраивал, очевидно они думали, что от человека с такой формой носа ничего хорошего ожидать не приходится, а может просто белорусское, равно как и литовское любопытство толкало на подобные тренировки скучающих таможенников. Ну, словом, ночь весёлая была.

Что касается моего носа, то в течении жизни его форма претерпевала различные метаморфозы ввиду нестандартности мировоззрения и некоторой сложности характера. Но в этот раз изменения были достаточно внушительными и, конечно же, требующими хирургического вмешательства,

так как сломаны были и перегородки, и наружные кости.

Ну вот и вокзал. Выхожу на перрон.

– Вы Юрий?

– Ес ай эм – отвечаю.

Ко мне подошёл молодой парень лет тридцати и женщина лет пятидесяти с лишним, приветливо поздоровавшись парень взял чемодан и мы с дежурными любезностями и расспросами отправились на привокзальную площадь, где нас поджидал старенький ГАЗ 2410, совершенно антикварный для этих мест автомобиль. На нём и поехали дальше.

Уже по дороге я понял, что меня принимают не совсем за того, кем я являюсь на самом деле. Вадим зарисовал меня, как человека, делающего деньги из воздуха, в прошлом моряка, который не прочь сходить пару раз в рейс, если масть пойдет. А вообще, я приехал помочь пережить плохие времена и направить в нужное русло бизнес этих горе предпринимателей, проще говоря, прибыл чуть ли не консультантом по обогащению с помощью подручных средств. Дома же я изнывал от скуки и ничегонеделания или попросту «кипел в бездействии пустом». Да и семья у меня уже в печёнках сидит, вот и вырвался на свободу.

Я был настолько обескуражен подобной постановкой вопроса, что не смог внятно и аргументировано опровергнуть подобные заблуждения, да и не было уже никакого смысла. Да, Вадим, увлечённый желанием помочь одновременно и мне, и своим друзьям, решил свести всех в одной кварти-

ре, а там будь, что будет, видимо он считал, что все неувязки и противоречия рассосутся сами собой.

Мы подъехали к длинному двенадцатиэтажному дому, поднялись на седьмой и оказались внутри довольно уютной трёхкомнатной квартиры. Обстановка была какая-то до боли знакомая, потом до меня дошло, что это был вариант квартиры, принадлежавшей моряку с очень большим цензом плавания, со всеми сопутствующими атрибутами. Те же слоны, те же ковры, те же гарнитуры и прочее, даже посуда и сувениры те же. Как будто и не было вовсе этих двенадцати тысяч километров с востока на запад, а так же этих двенадцати лет, что я на берегу. Дежавю – ни дать, ни взять.

А вот и главный мореман.

– Николай – представился мне коренастый мужчина лет шестидесяти, подавая ещё довольно крепкую руку.

Если бы мне не было достоверно известно, я всё равно определил бы в нём «деда». У опытных старших механиков, как и у капитанов, в подавляющем большинстве спокойный, уравновешенный, я бы сказал не бегающий взгляд. Но у деда, как правило, меньше отрешенности в том же взгляде, именно поэтому стармехи смотрятся более человечнее, чем «мастера», хотя это, конечно, очень субъективно и вовсе не значит, что так оно и есть.

– Ну что Раиса, давайте за стол, по русской традиции. У тебя я знаю всё уже готово, да и склянки давно пробили. Сергей, раздвигай стол, сядем в зале.

– А тебе лишь бы шар залить побыстрее, других мыслей у тебя нет – не известным мне до этих пор голосом сказала Раиса.

Пока ехали интонации преобладали иные, да, видимо не всё гладко в отношениях между супругами. За столом долго вели неспешный разговор ни о чём, или о том, о чём могут говорить между собой незнакомые люди, с той лишь разницей, что в очень сжатые сроки у нас были большие перспективы стать довольно близко знакомыми, поэтому осторожничали усердно и это ощущалось во всём.

Так длилось примерно около полутора часов, пока не опустела вторая бутылка и не откупорилась третья. Под хорошую закуску водка, надо сказать довольно сносная, шла, как по маслу.

Я первый не выдержал и попытался перевести разговор в нужное мне русло. Заговорил о Владивостоке, о том, как похожи между собой моряки любых флотов, о том, как скучаю по морю и что в этом самом море я провел лучшие годы своей жизни.

Особого отклика со стороны присутствующих моё выступление не возымело и уже через несколько минут я очень пожалел, что заговорил об этом в столь превосходных степенях, ничего не подозревая о той скрытой, до предела натянутой пружине, затаившейся внутри этой небольшой ячейки общества.

Буквально десяти – пятнадцати минут монолога Раисы

Львовны мне хватило, чтобы понять, как опасно трогать эту тему в их доме вообще. Я так же понял, что Николай Петрович дедом был только на судне, дома он салага, а их сын Сергей, который успел после средней мореходки сходить пару рейсов на рыбаках механиком – наладчиком и вовсе шнурок, не имеющий права голоса. Есть ещё и дочка, но она сбегала в Америку по гринкарте, «стерва», и когда она промотает последние деньги и будет умолять Раису Львовну о пощаде, то пощады не будет. И вообще в этом доме есть только один нормальный человек – это маленький комнатный пёсик по кличке Гордей.

– Иди сюда, мой Гордеюшка, я так тебя люблю, ты единственная моя отрада – целуя Гордея прямо в слюнявый нос, говорила Раиса.

Я на всякий случай прикрыл глаза, не то, что бы я был очень брезгливым, но всё-таки водка, какая бы хорошая она она ни была, остаётся водкой и могла пойти обратная смычка, глядя на такие любезности с Гордеем.

– А вы, два идиота, совершенно без мозгов и голова вам нужна в той лишь связи, что на ней есть рот, дабы пить и жрать! Кушай, кушай, Гордеюшка, это мама не тебя ругает. И если бы не деньги, которые я умудрилась за все эти бездарные морские годы сохранить и хоть как-то протолкнуть в дело, сидели бы вы на мусорных баках, как вороны в ожидании очередной порции отходов. Мой мальчик, он любит свою мамочку, вот как он её любит, – я опять прикрыл глаза.

В следующие несколько часов я, собственно, узнал всю подноготную этих людей, все перипетии, которые им пришлось пройти, после развала флота и страны советов, как таковой, все их хождения по мукам, связанные с перспективой открытия собственного дела и как это, с позволения сказать, дело сейчас добивало до ручки эту в общем то среднестатистическую постсоветскую семью.

Обед постепенно перешёл в ужин, выпито было около пяти бутылок, пили все на равных, кроме Гордея, который так и не слез с рук своей хозяйки и принимал самые лакомые куски со стола. Он, как и любое живое существо, быстро понял, что здесь он второй по значимости и вёл себя, надо сказать, просто отвратительно. Удивительно, как же всё-таки собаки похожи на людей в своих повадках? Или люди на собак, но это вопрос уже скорее сакраментальный.

Тут же я понял, что к флоту никто никакого отношения уже не имеет. У Николая вахта на гаражах и шабашки, связанные с ремонтом авто, у Сергея с напарником изготовление несложной кухонной мебели под заказ в тех же гаражах и денег он зарабатывает не мало, но куры денег не клюют, потому что он им не даёт.

Когда я выложил концепцию своего приезда в их город, они были немало удивлены, но тут же, каждый в отдельности, выразил решимость помочь мне уйти в море уже завтра, ну на худой конец послезавтра.

Раиса Львовна всё время повторяла, что такой интерес-

ный молодой человек не должен идти в море и тратить там свою жизнь на глупую болтанку где-нибудь на ржавом корыте и что на свете есть много интересных дел, чем, по её мнению, можно было бы заняться.

Для меня же всё стало окончательно ясно, никто мне здесь не сможет помочь уйти в рейс, попробую сам, хотя, конечно же, не буду отказываться от неуклюжих попыток помощи со стороны этих очень даже милых людей.

Было уже около восьми, когда была допита шестая бутылка. Все говорили по слогам за исключением Сергея, который ничего говорить уже не мог. Я тоже излагал не очень разборчиво и связно, мечтая скорее упасть в люлю, так как и без того всю ночь тренировал «отбой – подъём 45 секунд». Стол решили не убирать и это было правильное решение. Я за-снул, не раздеваясь, на диване в этом же зале. Последнее, что я услышал сквозь дремоту:

– На этом ржавом корыте, в какое-то море!? Что за чушь! Никаких морей!!!».

Солнце вышло из-за ели, а бичи ещё не ели

Утро начинается с рассвета, так, во всяком случае, поется в одной старенькой песенке про целину. Но это было точно не про моих новых знакомых, так как в нашем случае, оно началось в обед и было довольно хмурым и молчаливым. Хотя минут через пятнадцать – двадцать Сергей заметно повеселел, а за ним вскоре встрепенулся и Николай Петрович.

Это обстоятельство не осталось без внимания Раисы. Тут всё началось по-новой. Брани было, где-то по моим подсчётам, часа на полтора, может даже чуть больше. За это время я допоянял то, чего вчера ещё не успел.

В этом доме никто и никогда не перечит главе семьи Раисе Львовне, все отлично понимают, что это будет себе дороже и по сути надо продержаться только до дверей. За дверью для всех наступает другая жизнь, где у каждого совсем иная роль. В этом смысле наиболее последовательным является Гордей. Он всегда и везде второй по списку – в доме, за столом, на улице и даже в машине у него место справа от водителя. А если его выгуливает кто-то другой или он дома остаётся с кем-либо, то соответственно он становится первым, начинает рычать и вести себя зверски, как и положено зверю, хоть и домашнему.

Ну да бог с ним, с Гордеем. Дело в том, что мне надо было как-то переводить вектор внимания к своим проблемам и начинать собственно то, для чего я сюда приехал.

Поэтому очень осторожно я всё-таки спросил Николая Петровича, что он имел ввиду, когда говорил о быстрой возможности уйти в море. На что он с готовностью вызвался прямо сейчас проводить меня к человеку, который, якобы, всё устроит.

Я конечно же понимал, что это просто короткий путь к тем самым спасительным дверям и с радостью подыграл, подхватив его идею, так что Раисе было уже не совсем удобно, как гостеприимной хозяйке, не отпустить своего супруга для оказания помощи гостю. И после обеда мы всё-таки пересекли границы этой самой двери и вырвались на свободу.

– Неугомонная она у меня, командовать любит. А так вообще добрейший человек, просто множество всяких неприятностей за последние годы изрядно подпортили характер.

– Да я понимаю, у меня нет никаких вопросов по этому поводу, после шикарной жизни жены моряка на хлеб и воду. Очень многие просто ломались и падали на самое дно, а тут ещё хватило сил на преобразования.

– Да какие там преобразования, смех один, хоть и сквозь слёзы. Ей же ничего не докажешь. Возомнила, что всё знает лучше других, может, хоть ты будешь для неё авторитетом, было бы что-то наподобие терапии.

– Это было очень любезно со стороны Вадима направить

меня сюда, во исцеление страждущей, где-то я про такое уже читал. Кто-то уже был послан на Землю с такой же миссией. Но, кажется, он плохо закончил, Вы не помните, Николай Петрович, что там было дальше?

Он искренне расхохотался и опять я увидел другого человека, спокойного и уверенного в себе. На мысль пришёл старый морской прикол, еще времен Находки – «солнце вышло из-за туч, выпил бич и стал могуч».

На самом деле Николай был достаточно продвинутым в современной обстановке человеком. Его маленький гаражик со всеми необходимыми атрибутами приносил хоть и небольшой, но достаточно стабильный доход так, как руки росли у него из плеч, а опыт ремонта всевозможной техники был просто огромен.

Начинаем поступательное движение (шаг вперёд и две назад)

В числе его клиентов, оказывается, был высокопоставленный чиновник департамента морского транспорта, через которого он и собирался мне помочь. Николай прямо с проходной гаражного общества позвонил на работу Филипповичу (так звали чиновника), выяснив, что тот в отпуске уже три дня и будет дней через двадцать не раньше. Я подумал, что если не везёт – то с детства и теперь мне точно не отвертеться от бизнес – консалтинга, про который мы вчера весь день говорили. Но вчера мы были пьяные, а сегодня совсем наоборот, хотя ещё не вечер.

И кто внушил Вадиму мысль о том, что я хорошо разбираюсь в вопросах торговли. Нет, конечно я не особенно стеснялся торговать на рынке, будучи фарсовщиком, приходилось заниматься этим делом, когда оно было ещё в не закона, до развала СССР. В этом был даже какой-то кайф или драйв, как сейчас говорят, но что бы аргументировано определить в торгово-закупочном бизнесе направление, по которому надо двигаться хотя бы в ближайшей перспективе, не говоря уже в расчёте на года – это я пас. И никому похоже не понятно, что я полный ноль в таком деле, так как бизнес у меня был строительный, а он имеет свои особенности, никак

не связанные с нюансами торговли, ну разве что совсем чуть-чуть. Да и законодательство, как потом выяснилось, на Украине значительно отличалось.

На счет законодательства – это я, конечно, загнул, аж самому смешно стало. Имеется ввиду, методы обдирания предпринимателей на Украине, особенно на местах, были круче в разы, ну а в России были свои особенности, которых я по известным причинам знать не мог, да и не стремился, потому что крылышки мои были обожжены на столько, что казалось, никогда я не стану заниматься каким-либо худо – бедно легальным делом.

Уже спустя несколько лет, когда я всё же вернулся к строительной теме, то понял, что в России бизнес возможен и не по причине принятия правильных законов, а благодаря всё той же «оголтелой» коррупции, как это и не парадоксально звучит. Кто знает, тому и объяснять не надо, а кто не знает, тот и не поймет, поэтому не буду заморачиваться на объяснения.

Просто скажу, что если бы мне в Калининграде пришлось работать, а не в Днепре, то не сидеть бы мне несколько месяцев под следствием и не оставаться голым и босым после пяти лет плодотворной работы на стройках «самостийной» из-за того, что кто-то резко поменял правила игры, решив играть без пешек, да и в других фигурах надобность отпала на какое-то время. Ведь делить всегда было легче на один. Принцип чем меньше нас – тем больше нам в России тоже

имеет место быть, но здесь, всё-таки, иногда понимают, что одному всё кушать – можно и подавиться.

Ну, в общих чертах, на тот момент, у проходной гаражного общества «Колесо» я думал только о том, как прожить эти двадцать дней до возвращения Филиппа Первого, так я условно назвал для себя всемогущественного Филипповича, большого человека из департамента морского транспорта Калининградской области. Я конечно же не очень надеялся на Филиппа, понимая, что с первого раза попасть в яблочко тут вряд ли удастся, просто мне было важно понимать, что поступательное движение начато и теперь дело за другими шагами.

Для начала я набрал газет и перечитал все объявления, связанные с морской тематикой. Купил телефонную карточку, так как мобильники только-только появились и были скорее не средством связи, а атрибутом роскошной жизни, подчёркивая статус владельца. Зато у автоматов можно было простоять больше часа в ожидании всех желающих. Альтернативы советским двухкопеечным в России создано не было, равно как и на Украине, Белоруссии да и во всех республиках бывшего СССР. Ситуация, когда молодой человек признается в любви помимо своей избранной ещё десятку любопытных зевак, была почти нормой из-за отсутствия совковых телефонных кабинок, хоть как-то приглушающих звук, все они были давно разобраны на металл.

Вот из такого автомата я позвонил сначала домой и доло-

жил, что всё нормально, всё идет по плану. Больше ничего не успел так, как карточка закончилась, ну и на том спасибо. Затем я купил ещё две и попеременно, пропуская после каждого разговора по одному, толпившихся за мной граждан, прозвонил по вакансиям и конечно же мой энтузиазм поутих.

Такса на то, чтобы с тобой начали разговаривать значительно выше, чем в Одессе. Прямо об этом конечно никто не говорил, тем более по телефону незнакомому человеку, но в последнее время я уже очень хорошо научился понимать людей, которые хотели бы получить от меня денег, сейчас или в среднесрочной перспективе, буквально или в каком-нибудь другом эквиваленте.

Да, без протеза будет очень и очень трудно, тем более с украинскими документами. Нужно что-то выходящее из ряда, даже если это «что-то» находится не в совсем правовом поле. После моих недавних мытарств на родине все проблемы были какими-то мелочными, не настоящими, с размытыми контурами, что ли. Любая авантюра, равно как и афера не приводила бы меня в такой ступор, как может быть какого-нибудь среднестатистического обывателя, который не спал бы ночами, мучаясь видениями того, как его разоблачают и карают по всей строгости закона.

Это сейчас, прочитав труды таких, мною почитаемых авторов, как Кастанеда, Зеланд и некоторых других, понимаю, что притягивал со страшной силой неприятности на свою го-

лову и на Украине, и здесь в России. Они не заставляли себя долго ждать и в какой бы стране мира я не оказался, всё повторилось бы, ну разве что с другим сюжетом. Неприятности были бы налицо так, как я носил их с собой, не вынимая из кармана. Это моё отношение к происходящему вокруг модулировало их последние годы. Надо было сразу разглядеть эту тенденцию.

Ещё до того, как развалили мою фирму «Луч» и забрали всё, что только было, я перестал делить людей на хороших и плохих, думая, что в общем то, разницы нет и всё решают время, место и обстоятельства. Когда же неприятности посыпались, как из ведра, я начал понимать, что есть таки разница в людях и стал делить их на плохих и очень плохих, а себя видел то в одном, то в другом лагере, не выражая приерженности ни к одному из них.

Этот цинизм и повлёк все последующие события, которых бы хватило, как я сейчас вижу, на пару тройку спокойных и размеренных жизней. Но как говорит классик «если бы я был такой умный, как моя мама потом».

Итак, план минимум, который я себе составил на эти двадцать дней, состоял из двух пунктов:

Первый) – найти нечто выходящее за общепринятые представления о том, как можно уйти в море, для этого желательно заводить больше знакомств с людьми, имеющими к проблеме хоть какое-то отношение;

Второй) – попробовать всё-таки помочь моим новым зна-

комым с умирающим бизнесом, тем самым оправдать их надежды на «прозорливость Вадима и его умение разбираться в тонкостях человеческой души», как это было заявлено на приветственном мероприятии.

Остаток дня я провёл, гуляя по Калининграду и знакомясь с достопримечательностями. Город мне очень понравился и дело тут вовсе не в прусской готике, скорее какое-то едва уловимое сходство с Владивостоком делало его таким близким для меня. Те, кто бывал во Владике никакого сходства, как правило, не находят, но у меня были стойкие ощущения аналогичности.

К вечеру, который здесь начинался не раньше восьми, я опять пришел в гараж. Там был уже и Сергей изрядно выпивший и потрёпанный. Втроем мы пошли по направлению к дому. По дороге заглянули в магазинчик, взяв два литра пива и бутылку водки, дежурную закуску и три одноразовых стаканчика. Всё делалось на автомате из чего я сделал вывод, что это обычная практика. Здесь же не вдалеке заброшенные сады со множеством бесхозных яблонь, груш и слив, где мы это всё неспешно и приговорили. Фрукты меня просто удивили, они были очень сочные и вкусные, ничем не хуже, чем на юге. Благодатный красивый край, прав был Вадим, хоть здесь не обманул.

По мере приближения к дому, Сергей начал заметно нервничать. Ему хотелось подольше побыть на свободе и он конечно же искал предлог не идти за ненавистную границу.

По Николаю Петровичу трудно было что-либо определить, уже перед самым домом он как-то резко сник и замкнулся в себе. Я подумал, что эти люди чем-то похожи на мазохистов, а вслух сказал, что нас уже, наверное, заждались. Николай ухмыльнулся как-то неестественно и вошел в подъезд, за ним вошёл и я с Сергеем.

Только женщин нам здесь и не хватало

Открыв дверь все с удовлетворением обнаружили, что дома никого нет и быстро разбежались по комнатам. Мне же прятаться было некуда, поэтому я сел в зале и стал смотреть телевизор, подбивая первые итоги.

И вот, где-то через час, буквально распахнулась дверь, на пороге стояла Раиса и ещё какая-то женщина среднего возраста и весьма эффектной внешности. Обе были навеселе и прекрасном расположении духа, чего не скажешь о Гордее, который прямо с порога начал лаять, напоминая о том, что он здесь не хухры-мухры и что бы никто не вздумал расслабляться.

– Вот, знакомься Женя, это Юрий. Юра, это Евгения – моя очень хорошая подруга и почти вдова – они обе расхотались, – нет, муж конечно жив номинально, но как мужчина, он у неё уже давно умер, мы как раз сегодня третью годовщину отмечали. Или четвёртую, Женя? – опять раздался смех, сразу видно было, что выпили они не мало.

– Вы прямо в краску меня вгоняете, Раиса Львовна, человек подумает, бог знает, что.

– А что он подумает? Подумает, что бабу уже четыре года не оприходовали и сделает правильные выводы.

– Ой, не слушайте Вы её, Юрий, просто мы сегодня немного выпили и поэтому лепечем всякие глупости, но мы исправимся.

Она подала мне руку и мы обменялись любезностями. Ей было где-то сорок, хотя при известной сноровке женщине с деньгами так выглядеть можно и в пятьдесят. Стильный деловой костюм, подчёркивающий довольно стройную фигуру, неброский, но в то же время профессионально подобранный макияж, создавали образ довольно обеспеченной женщины. И конечно же манеры. Очень просто и в то же время независимо она держалась, это как раз присуще женщинам, не слишком заботящимся о куске хлеба для голодных домочадцев, хотя бывают актрисы ещё те.

– Ну что, продолжаем продолжать продолжение – сказал Николай, выходя из спальни. Он слегка обнял свою жену.

– Подлизывается хитрец. Эх, до чего же я его люблю, – она нежно поцеловала его в щеку – а надо было бы убить. Рука не поднимается, ведь лучше его на свете нет никого, кто бы ещё такую дуру стал терпеть.

– А ты оказывается не такая и дура, – сказал Николай и мы все дружно рассмеялись.

И опять началось застолье, правда уже на кухне и не такое беспробудное. В этот раз было всё как-то по-другому. Без ехидных выходок, без упрёков и истерик, и даже Гордей вёл себя поприличнее.

– А где Сергей? – спросила Раиса Львовна.

– Спит, у него был трудный день, заказчик не стал забирать шкаф-купе, забраковал. Столько материала и работы, не знает, что и делать. Женя, может среди твоих рыночных кому-то сбавить, шкаф нормальный, я видел, заказчик – урод сам не знает, чего хочет. А наш, как всегда не взял предоплаты на материал, сколько раз ему говорил, всё как горохом об стену.

– Потому, что всё время выпивший, я уже устала с ним бороться, что делать – не знаю. Эх, если бы можно было его отправить к Ленке в Америку, ведь у него золотые руки, как и у отца, а здесь пропадёт парень, сопьётся.

Так неспешно ведя разговоры, перешли на тему о море, как ни странно, без криков. Будто совсем другой человек сегодня была Раиса Львовна, вспоминала, как часто они ездили на курорт в Сочи, Ялту и даже в Болгарию, как всё было когда-то чудесно, «и где на нашу голову взялся этот х... р с пятном на голове?».

– У тебя, кстати, нет никого из тех, кто поможет уйти сейчас в море – этот вопрос Раиса адресовала Евгении, как ни странно.

– Надо подумать. Есть тут одна идея. А надо ли это? Может останется и будет жить, как все люди.

– Вы имеете ввиду, как все хорошо, или как все плохо? И потом, сильно хорошо – тоже не хорошо, а если очень плохо – так это уж совсем никуда.

Евгения оценила меня спокойным взглядом.

– Как все – это значит обыкновенно, без выпендрежа. Чтобы близкие и любимые люди были рядом и всегда могли быть близкими и любимыми.

Я подумал, что на сотню мудрецов, как всегда довольно простоты, а ещё я подумал, что женщина, способная вот так ответить, без подготовки и не задумываясь, заслуживает более детального изучения.

А изучать было что. Я успел за это время хорошенько её рассмотреть, она была не то, что бы красавицей, но достаточно привлекательной дамой с волнующими формами, подчёркнуто скрытыми за строгостью убранства. И естественно возникал вопрос, – а что же там за... А так, как я человек любознательный, то назревала интрига, хотя, как Вы понимаете, дорогой читатель, первым делом пароходы.

– Я думаю, что любимым и близким людям, кроме любви и близости не мешало бы получать и немного материальных, т. е. более приземленных знаков внимания в виде денежек и прочее, и вот именно поэтому Одиссей должен отплыть за золотым руно.

Она метнула на меня быстрый и не очень приветливый взгляд, из чего я понял, что попал в молоко. Да, эта моя манера, о серьёзных вещах говорить легкомысленно, не всегда оправдана и не всеми принимается.

– Хотя кто знает, некоторые наверное предпочитают «рай в шалаше», здесь одной мерки быть не может – попытался я исправить ситуацию.

На этот раз взгляд стал помягче, Женя лениво потянулась и сказала:

– Вот-вот, а то привыкли всех баб за проституток держать, а мы ведь можем просто любить, не за деньги и регалии, а просто за красивые глаза – при этом она очень откровенно посмотрела на меня и долго не отводила взгляд, пока это стало совсем уж неудобно.

События разворачивались стремительно, а я ведь ещё не успел узнать каким образом и с кем она может меня познакомить. Теперь, похоже, надо было менять тактику, с женщинами так всегда, одно неосторожное слово и всё сначала. Спроси я сейчас, после такого недвусмысленного намека и взгляда, вместо «можно ли мне Вас проводить», про то, как и чем она может мне помочь уйти в море с глаз долой, как тут же может быть агрессивный выпад. Да, восток дело тонкое. Но я то тёртый калач, не стану больше трогать сегодня этот вопрос.

Тем более, что всерьёз надвигалась совсем другая, не менее захватывающая тема с волнующим дыханием, и испепеляющими глазами и я конечно же был не против продолжения и полного раскрытия всех аспектов этой темы.

– Ну что ж, мне пора – сказала Женя, время уже не детское. Голос звучал звонко и в то же время, как-то отрешенно. Я глянул на Раису и она уловила моё настроение.

– Женя, ну что ты выдумываешь, уже поздно, да и чего ради тебе туда идти, у тебя что, семеро по лавкам? Оставай-

ся у нас, позвони, что у меня заночуешь, хочешь, я сама позвоню?

– Ну как ты себе это представляешь, Рая? Где, да и чего ради, ещё совсем даже не поздно.

– Найдем где постелить, посидим ещё, поговорим, душевно ведь время проводим, разве не так?

– Так то оно так, но перетакивать не будем, меня, если что, Юрий проводит, я думаю, он волков не боится.

– Да, зубов я не боюсь – сказал, а сам подумал, что слава богу она не поняла мой быстрый шуточный ответ, всё-таки язык мой – враг мой.

Мы ещё немного выпили, никто уже ни на чём не настаивал и вскоре мы с Женей вышли на улицу, где было ещё совсем светло для этого времени суток по украинским меркам и не совсем тепло для этого времени года всё по тем же меркам.

– Ну что, Юра, я беру Вас под руку и мы, не спеша, проходим несколько кварталов, думаю, что такси нам сейчас ни к чему.

– Если честно, я надеялся на романтическое приключение, ну или что-нибудь подобное. А тут так прозаично всё может закончиться, Женя, Вы что, смерти моей хотите, я имею ввиду смерти от скуки и нетерпения.

– А что же Вам так не терпится, Юрий? Чего Вы так страстно желаете?

– Я мог бы огласить весь список, но начну с малого. Во-

первых – я хотел бы перехода на «ты» или время ещё не пришло?

– А что во-вторых? Ну, словом, интересно узнать весь спектр интересов.

– Боюсь показаться таким же откровенным и непосредственным, как поручик Ржевский, но прежде всего в этот спектр входит твоя очаровательная особа и в этой связи я должен придумать, чем тебя заинтересовать, чтобы не отпустить прямо сейчас, тем более, ты ещё не придумала, как от меня отвязаться.

Она рассмеялась и, сжав мне локоть, притворно влюбленно глянула на меня, ничего не ответив.

Да, эта девочка охмурять обучена – подумал я, а вслух сказал, что совсем не знаю города и даже не предполагаю, куда можно было бы её отвести, чтобы совсем не возникало желания идти домой.

– Не надо, Юра, вернее не сегодня, это только Раиса считает, что я вдова, почти... Хотя мой почти умерший муж так не думает, да и дети хоть и не совсем взрослые, но тоже имеют на этот счёт своё мнение.

Я поймал себя на том, что ни разу за весь вечер не спросил о том, как она живет, где работает, как проводит время, не хотел быть слишком назойливым и любопытным, а получилось как-то даже не учтиво. Об этом я ей и сказал, добавив, что все эти вопросы хотел задать наедине. Она грустно улыбнулась.

А что тут рассказывать, ничего особенного, всё, как у всех. У меня двое дочерей, одной семнадцать, другой пятнадцать, муж – объелся груш. Короче говоря, родилась, крестилась, училась, женилась, умерла.

Я быстро прикоснулся к ней чуть выше живота, на грани дозволенного и сказал:

– По-моему живая ещё, слышно, как сердце бьется – и не почувствовав протеста, поднял руку ещё выше на грудь, рискуя получить какую-нибудь неприятность в виде пощечины моральной или даже физической. Она с большой задержкой, явно смакуя момент, убрала мою руку из уютного нежного углубления и сказала незлобно, как-то даже доверчиво:

– Юра, я не шлюха. Хоть ты мне и нравишься, но я не стану крысятничать, ведь у тебя дома семья и приехал ты сюда, как я понимаю, не за тем, чтобы меня по кабакам водить, а что б как-то эту семью содержать. Знаю, что в море людей гонит не благополучие и комфорт, а безнадёга и безденежье, так что сойди с ковра и пошли пить кофе, вот в это маленькое кафе, надеюсь, что здесь мне не встретиться никто из знакомых или доброжелателей, хотя, мало я кому чего должна.

Меня не очень устраивал переход на чисто дружеские интонации, но это лучшее из того, что можно было тогда придумать, учитывая мое шаткое финансовое положение.

– Я бы хотел подробнее остановиться на «хоть ты мне и нравишься», ты ведь так сказала – начал я опять разговор после того, как мы уселись в углу совсем пустынного и до-

статочно уютного зала, с неярким, интимным освещением и негромкой, хорошо подобранной музыкой на весьма изысканный вкус.

– Тебе совсем не интересно, с кем я могу поговорить на счёт твоих проблем?

Вот что значит опыт, проявляй больше интереса к женщине и она сделает всё, что тебе нужно, ну или почти всё, в который раз я убеждался в этой истине.

– Как не интересно, конечно интересно. Мне очень интересно, что ты можешь для меня сделать – улыбнувшись сказал я – подозреваю, что твои возможности не ограничиваются нужными знакомствами, но и распространяются на все сферы жизни, включая и её интимную составляющую. И конечно же меня не очень впечатлили твои выпады в сторону морали и солидарности со всеми покинутыми жёнами Земли. Нет, я конечно же уважаю твои принципы, но отказываться от такой красивой и, не побоюсь этого слова, лакомой женщины, не хочу и не буду, хоть убей.

Да, сказано было тоже на грани фола, очень уж борзо, но действовать надо было стремительно, лавинообразно.

– И убью, всенепременно! В постели до смерти заморю! – смеясь, ответила Женя.

Похоже, такая тактика привела к успеху, теперь дело за малым, на этом этапе нужна маленькая пауза, буквально один день, если женщина взрослая и один час, если совсем молодая девушка.

Мы выпили кофе, съели мороженное. На прощанье успели даже поцеловаться, в полумраке нас никто не видел, да и посетителей кроме нас было всего трое, пьяные в хлам девочки, в другом конце зала.

Дело шло к расставанию, Женя засобиравшись домой, под самый занавес она пообещала завтра назначить встречу со своей подругой Тamarой Никифоровной – директором компании, которая отправляет моряков на суда.

– Да, кстати, если ты с Тamarой будешь вести себя так же фривольно, то я тебя очень больно зарежу.

– Тогда у меня ещё один вопросик – где тут у вас можно купить недорогую кольчужку? – Женя рассмеялась.

Выйдя на улицу, мы остановили такси прямо у дверей кафе и пожирая друг друга страстными взглядами, расстались.

Да, день удался – это последнее, о чём я подумал ложась в постель, оказывается не так много надо человеку, всего лишь надежду, хотя много это или мало – вопрос совсем уж риторический.

Да, Кёнигсберг – это Европа! Опа, опа, опа, опа

Утро. Я сотню раз прокручиваю варианты, которые мне могут быть предложены крьюинговой компанией, коих я рассмотрелся немало. Может здесь в России всё на более цивилизованном уровне, хотя глупости конечно, все мы заканчиваемся на «ов» ли на «ко», за исключением тех, кто на «ян» или на «швили». Так, что чудес ожидать не стоит, просто из всякого правила бывают исключения, вот на них и уповаю.

Но самое главное, хотелось бы узнать, на сколько они хорошие подруги, чтобы этой Тамаре не сорвать с меня по полной. С другой стороны, – а я то, кто для Евгении – чел, который хочет вжохать её слегонца, при чём желательно побыстрому и без лишних разговоров. Да, сегодня с утра именно так всё и смотрится, ни дать – ни взять. И всё-таки продолжаю уповать на исключение из правил.

Где-то ближе к одиннадцати прозвучал звонок и Раиса многозначительно улыбаясь, подала мне трубку. Женя сказала, что меня ждут к двум дня и назвала адрес, я же спросил, будет ли она тоже присутствовать на встрече, на это последовал довольно шуточный ответ, что вчера я ей показался вполне самостоятельным мужчиной, но если у меня трясутся

колени при виде незнакомых женщин, то она может держать меня за руку. Итак, мы договорились пойти вместе.

Встреча была назначена на пороге торгово-выставочного павильона, от него было рукой подать до офиса фирмы «Руслан Фрахт», занимающейся, как потом выяснилось, набором моряков на суда под иностранными флагами, включая Норвегию, Грецию, Германию, Англию.

Женя, как и вчера, была одета подчеркнуто по-деловому. Я так и не понял, кем же и где она работала. Я подошел к ней на достаточно близкое расстояние, она отступила, стараясь держать дистанцию, тем самым давая понять, что вчера всё было понарошку, а сегодня день новый и лучше его начинать с чистого листа. Ну что ж, наверное так будет действительно лучше, нужно заработать расположение, а не просто так взять на халяву, воспользовавшись слабостью не совсем трезвой женщины.

А то, что заработать расположение надо – это бесспорно. От этого будет зависеть моё дальнейшее продвижение в рамках крьюингового агентства.

– Женечка, ты красива, как богиня! Твоя внешность помогает мне отвлечься от невеселых мыслей о том, что трудно будет добиться чего-либо конкретного от директора фирмы, занятой, деловой женщины, тем более совсем не знакомой, тем более гражданину другой страны – это вступление помогло мне сразу не навязчиво обозначить проблему. Так же я хотел как-то растрогать или наоборот раззадорить её, по-

двигнуть на активные действия, направленные на оказание помощи страннику, влюблённому и безутешному.

– Не надо, Юрий, а то у меня тушь дешёвая, сразу течёт. Спокойно и толком, как ты это умеешь, расскажи, что ты хочешь и что можешь, она моя хорошая подруга, если это в её силах, окажет содействие по максимуму.

Агентство находилось в здании института, где, как водится, мало что напоминало храм науки. На трёх этажах четырёхэтажного здания располагались офисы всевозможных коммерческих фирм. Мы открыли дверь с надписью «Руслан Фрахт», которая располагалась на первом этаже и вошли.

– Здравствуй, Лена. Тамара Никифоровна нас ждет так, что мы сразу и полетели. Неплохо смотришься, красотка, так держать. Мы им слоникам хоботы закрутим, а карманы они и сами по выворачивают, никуда не денутся, правильно?

Секретарша Лена только намеревалась открыть рот, но мы уже входили в кабинет директора. У неё оказался посетитель и возникла неловкая пауза. С одной стороны, нам надо было бы сразу выйти, но с другой – мы то пришли, как друзья, вернее сказать, как подруга и друг подруги.

– Ничего, заходите, заходите, вы нам не мешаете, тем более, что мы заканчиваем, так ведь, Сергей Викторович, по моему, все вопросы решены, Вы возвращаетесь в Клайпеду и проситесь опять в экипаж. И дай вам бог, что бы Андреев Вас простил и взял назад, хотя я на его месте, если честно, не взяла бы. Другого судна у меня нет, очередь из старпомов

на два года вперёд и если бы Вы не пришли в своё время от людей, которых я искренне уважаю, то такое развитие событий было бы мне только на руку.

– Вы не понимаете, он и слушать меня не будет, вот если Вы ему скажите, он ведь диктатор, Пиночет курит бамбук. Да и не стану я унижаться пред ним, он сам такое вытворял, а тут стал праведником, видите ли.

– Все дело в том Сергей, что ты «чиф», а он «мастер», разницу чувствуешь? А не станешь просить, так ты слышал моё мнение на этот счёт, – в конец очереди. Хотя почему в конец, есть предложение на газовоз, там и гробовые классные. Ой совсем забыла, там же документы не те и опыт на этой категории судов в должности не менее десяти, и где они хотят взять старпома с таким опытом, что бы за эти десять лет не стал мастером, да и языков кроме английского, немецкий и разговорный французский, может пойдешь? Или ты не богаешься на чужеземных? А нет, тогда иди и просись слёзно. Или в конец очереди, глядишь через пару-тройку лет и уйдешь..., вторым..., если повезёт.

Пока она расправлялась с незадачливым старпомом у меня было время чуть-чуть адаптироваться к обстановке и к ней самой, к её манере общения. Я так же понял, что во многом она рада, что я слышал этот диалог и теперь сделаю свои выводы. Ну что ж, я их сделал.

Прежде всего я понял, что она хоть и директор крюинга, но на некоторых судах, очевидно принадлежащих россий-

ским судовладельцам под дешевыми флагами, в состоянии решать кадровые вопросы внутри судна, что само по себе уже и не плохо. Что-то типа ХЭГСa – хозяйственно-эксплуатационной группы судов. А ещё я понял, что она не очень любит, когда ей приводят друзья и знакомые своих друзей и знакомых, то есть мой случай. И конечно же всё будет решать полнота налитого стакана, если конечно будет решать, тем более, в бутылке осталось совсем на дне.

Ну вот, наконец мы остались втроём и началось неспешное знакомство. Сначала говорили на весьма отвлеченные темы, потом узнав, что я из Украины, Тамара призналась, что половина её поклонников были почему-то именно из Украины, на это я пошутил, что почти все мои жёны были почему-то именно из России. На секунду она замерла обескуражено прикидывая, шучу я или нет, тогда я хмыкнул и они обе рассмеялись не на шутку громко, как на базаре.

– Он умеет прикалываться, а что он ещё умеет? Потому, что этого явно недостаточно для работы на судах под серьёзными флагами.

– Для этого достаточно быть хорошим актёром и уметь смеяться, когда хочется плакать, ну и конечно же иметь определённые профессиональные навыки, коими я несомненно обладаю – быстро парировал я.

– Да, излагает тоже не плохо, почти, как Шекспир. Женя, у тебя же есть уже один достаевский, не много ли классиков на тебя одну?

– Нет, дорогуша, я как раз тебе привела этого юмориста из города Одессы, в надежде, что ты сможешь его пристроить на бескрайних морских просторах, благо, что их гораздо больше на нашем шарике, чем земной тверди.

– Больше, то больше, да вот только чистых радиоспециалистов, как раньше уже почти нет, надо переучиваться, а в таком возрасте имеет ли смысл?

– Почему ты сразу не сказала, я бы не приводила его и не морочила бы голову ни ему, ни тебе.

– Не беспокойтесь, милые дамы, на этот счёт у меня есть коры «able seamans», если хороший контракт, я готов пойти и матросом пока войду в проблему, а там посмотрим, стоит переучиваться или не стоит.

– Ну вот, а ты говорила. Он вдобавок ещё и смышлёный малый, его шансы значительно подросли. Осталось ещё один вопрос уладить. Гражданство, надо сделать Российское Гражданство.

– Что бы долго не водить вас всех за нос, я хочу определить свои позиции. Так уж случилось, но средств у меня не так много, я бы сказал попросту мало. Тому несколько причин, не стану их перечислять. Просто скажу, что по минимуму, я рассчитывал уйти хотя бы в один рейс матросом или мотористом, на что у меня тоже есть коры, а дальше можно думать и о смене гражданства, и о смене жены, и даже о смене ориентации, но только после этого самого рейса, который должен стать отправной точкой.

Всё это я выпалил как-то быстро, даже не ожидал от себя, ничего подобного не было в моих планах на сегодня, и мне сразу стало легче, устал играть роль состоятельного крота.

– Смотри-ка, а женами он не дорожит совсем, ну, а если уж и пол менять, так начинать надо с нашего офиса, а то совсем прохудились. Ладно, мне нужно время, что-нибудь придумать. В принципе вопрос банален, будем решать. А что с языком, умеем хоть немного изъясняться?

– А как же, в совершенстве владею украинским и русским со словарем, ну а если серьезно, то английский у меня не плохой.

– Готовы, если что, пройти собеседование? Сейчас это обязательная процедура.

– Ес оф коос.

– Ну и чудненько, тогда я посмотрю, что сейчас есть подходящего и организую собеседование, скорее всего по телефону, стоить будет в пределах семисот, точнее скажу позже, когда станет известно какой длительности контракт и какая зарплата по нему, а также прочие подробности. Сейчас мне надо отксерокопировать абсолютно всё, что есть из документов так, что милости прошу к Леночке, она, наверное, уже сучит ножками от нетерпения.

Всё, что она говорила, звучало во мне, как божественная музыка. Такой оперативной хватки я не встречал со времен, когда ещё работал в ДВ пароходстве. Мне не верилось, что вот эта женщина, кстати сказать, резкий контраст всем тем,

кто морочил мне голову раньше, сейчас так просто отправит меня в рейс. Я был готов расцеловать её и наверное это было видно по моему лицу, поэтому Тамара сказала:

– Благодарить рано, да и как мы все знаем, лучше маленький рубль, чем большое спасибо, при этом они обе опять достаточно звонко рассмеялись.

– Ну что, я к Леночке?

– Иди Юра, – сказала Женя – кстати, не кружи ей голову, а то она натура увлечённая, а замуж ты её всё равно не возьмёшь, мы пока здесь с подружкой почирикаем о нашем, о бабском.

Леночка – это тема отдельная. Она была своего рода лицо компании. Весьма красивое лицо, я бы сказал, и весьма неглупое, как потом выяснилось. Хотя все женщины, которые заходили в офис, включая и Женю, относились к ней свысока, не видя, какую на самом деле львиную долю работы всей фирмы она несла на своих хрупких плечиках. И только Тамара, допуская иногда в её адрес колкости, отлично знала, чего на самом деле стоило это милое создание, кем оно было на это место поставлено, и за какие заслуги.

Находясь в эйфории от текущего развития событий, я буквально ничего не видел перед собой. Нет, я конечно же не совсем слепой, успел рассмотреть волнующую линию ног на непомерно высоких каблуках и краешек белого кружева из-под коротенькой юбки, трудно было этого не заметить. Лена была ещё та штучка и умело пользовалась удачным

расположением своего стола открытого типа, который стоял у самой стены, при том, что стулья расставлены вряд с противоположной стороны на расстоянии метров трёх с половиной. Но, не смотря на все ухищрения, очевидно правильно поётся в песне, «девушкам из высшего общества, трудно избежать одиночества». В данном случае надо было бы немного перефразировать и спеть «из высшего криминального общества».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.